

ГЛАВА 1 У МЛАДЕНЦЕВ СВОЙ ЯЗЫК

*Первые шаги жизни –
все равно что первые шаги
в шахматной партии.
Они определяют развитие
и стиль каждой партии.
И пока вам еще не угрожают мат
и окончательный проигрыш,
у вас есть все возможности
сыграть красивую партию.*

Анна Фрейд

*Слово - настоящий языковой дар,
а язык по природе своей материален.*

ЖакЛакан

Грудные дети, попадающие под покровительство Службы социальной помощи детям [2], пережили потрясение - разрыв родственных связей, что в их возрасте вызывает функциональные нарушения. Таким способом они говорят нам о том, что они переживают.

Этот естественный или «органический язык», как удачно окрестил его Дени Васе (автор книги «Пупок и голос»), не является речью в прямом смысле слова. Но живой организм можно слушать точно так же, как слушают слова, произносимые психоаналитиком, или как разгадывают детские рисунки. Это язык подсознания, в котором концентрируется имеющийся у человека опыт. Слушание грудного ребенка пробуждает все чувства психоаналитика и заставляет их резонировать в тишине его внутреннего «я». Такое пробуждение и включение всех чувств должно предшествовать любому суждению, но оно не должно препятствовать работе воображения. Только раскрепощенное воображение позволяет перевести на обычный язык поначалу непонятные сигналы, услышанные врачом (то же самое происходит и на первых занятиях психоаналитика со взрослыми, или когда стараются разгадать детский рисунок или рассказанный сон). Когда услышанное мною я перевожу на язык обычных слов, я называю их «субтитрами». Как и в кино, они передают общий смысл, но богатство языка при этом утрачивается, что несколько раздражает тех, кто хорошо владеет иностранными языками. И все-таки субтитры предпочтительнее дубляжа, полностью заменяющего язык оригинала, который любят слушать, даже не понимая его значения.

Психоанализ позволяет прежде всего рассказать, выразить словами самому младенцу происхождение переживаемого им разрыва, ту невысказанную и затаенную боль, которая поначалу проявляется лишь в болезненных симптомах. Говоря с ребенком, вы обращаетесь к нему как к субъекту и предлагаете ему примириться со своим телом. Вы не утешаете его, не пытаетесь залатать образовавшийся разрыв, вы лишь выявляете и обозначаете причины его страдания, воскрешая его короткую жизненную историю, чтобы ребенок осознал себя, свою

идентичность, свое происхождение, свои корни и свои возможности как субъекта. Поэтому во время лечебного сеанса ни в коем случае не следует касаться ребенка. Нужно лишь разговаривать с ним.

ОЛИВЬЕ, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТ ДЫШАТЬ

Впервые я увидела Оливье, когда ему было два с половиной месяца. Его привезли ко мне воспитательница из социальной службы и сиделка из яслей. Я представляюсь: «Меня зовут Каролин Эльячефф, я - психоаналитик. Тебя привезли ко мне по просьбе твоих яслей, чтобы мы все вместе разобрались, что у тебя не в порядке». Воспитательница, в присутствии Оливье, рассказывает его историю. Оливье попал в ясли, когда ему было всего двенадцать дней. Его мать, беременная уже в несчетный раз, решает родить анонимно, под буквой «Х» [3].

Она заранее оповещает Службу социальной помощи детям, что не сможет воспитать еще одного ребенка и желает, чтобы у него было лучшее будущее, чем она может ему обеспечить.

Когда подходит срок родов, она не успевает добраться до родильного дома и рождает прямо в машине «скорой помощи». Перед тем как навсегда разлучить мать с младенцем, ей его показывают. Через сутки она покидает роддом, так как с трудом выносит плач чужих младенцев, но по телефону ежедневно справляется о состоянии своего сына. Когда Оливье прибывает в ясли на трехмесячный срок, в ожидании, когда его сможет усыновить приемная семья, мать приходит к сотруднице социальной службы, чтобы высказать свои пожелания относительно будущих приемных родителей для своего сына. Об отце Оливье известно лишь, что он является также отцом всех остальных детей в этой семье.

Первые пять недель своей жизни Оливье чувствовал себя очень хорошо.

Но сейчас его физическое состояние внезапно ухудшилось - это и является поводом для консультации: его лицо и голова покрылись корками и струпьями, из-за бронхита он тяжело дышит, с шумом вдыхая и выдыхая воздух, но температуры у него нет.

Я смотрю на Оливье, а он смотрит на меня. Состояние у него и в самом деле плачевное: кожа покрыта сыпью, дыхание очень затрудненное и он начинает плакать. Оливье плачет, а воспитательница рассказывает, что его мать очень понравилась персоналу роддома, а затем и яслей, и все думали (желали?), что она изменит свое решение и не откажется от ребенка. Все так думали, хотя и не говорили об этом вслух.

Во время очередной медицинской летучки сиделки стали обсуждать этот вопрос и сожалели, что, видимо, ошиблись. Сразу же после этой летучки Оливье и заболел, хотя не присутствовал на ней.

Я молча слушаю этот рассказ, делаю записи, смотрю на Оливье, а он смотрит на меня и плачет. Когда рассказ о его короткой жизни подходит к концу, он перестает плакать и я говорю ему:

- У тебя очень хорошая и мужественная мать, она знает, что не сможет тебя воспитать, как ей хотелось бы, и она приняла решение, которое считает хорошим для тебя: пусть тебя возьмет и воспитает другая семья. Люди, которые тобой сейчас занимаются, ничего тебе об этом не говорили, но надеялись, что твоя мама изменит свое решение - возможно, они внушили эту надежду и тебе. Сейчас они понимают, какая хорошая у тебя мама: она сказала правду, она действительно ради твоего блага

хочет, чтобы тебя воспитала другая, приемная семья. Она хочет, чтобы у твоих приемных родителей кожа была не такая, как у тебя, а другого цвета. У тебя кожа черного цвета. Сейчас еще неизвестно, удастся ли найти для тебя приемных родителей с другим цветом кожи. Но тебе вовсе не нужно менять свою кожу. Ты всегда будешь сыном мужчины и женщины, которые тебя зачали, и твои настоящие, биологические родители навсегда останутся в тебе. До свидания, увидимся через неделю.

Неделю спустя Оливье прибывает ко мне на руках нянечки, которая привезла его из яслей. Я сразу вижу, что кожа у него совершенно очистилась, и это меня очень удивляет. Но я ничего об этом не говорю, нянечка тоже. Дыхание же, напротив, стало более затрудненным, чем прежде. И в яслях планируют подвергнуть ребенка серьезному обследованию. Пока нянечка говорит, Оливье засыпает и во сне дышит так же шумно. Нянечка рассказывает, что он много плачет, стремительно опустошает рожок с питанием, следит за ним глазами и улыбается после кормления. Она также сообщает, что скоро должно состояться первое заседание семейного совета и что мать Оливье не изменила своего решения. При этих словах Оливье открывает глаза, обращает к нам туманный взгляд, затем снова засыпает, но теперь он громко дышит уже не носом, а ртом.

Я начинаю говорить ему, поглаживая пупок сквозь рубашечку [4]:

- Когда ты находился в животе у своей мамы, ты еще не дышал. Твоя мать кормила тебя через плаценту, с которой ты был связан, соединен пуповиной. Эта пуповина шла вот отсюда, где лежит моя рука. Когда ты родился, ее перерезали. То, что я трогаю рукой - это твой пупок. Это шрам, который остался от пуповины. Когда ты родился, ты дышал, пуповину отрезали, ты отделился от своей матери, которая этого захотела. Может быть, ты дышишь так плохо потому, что надеешься снова найти мать, чтобы все было, как прежде - когда ты находился в твоей матери и еще не дышал. Но если ты решил жить, ты не сможешь жить не дыша. Твоя мать - в тебе, в твоём сердце. Тебя разлучили с ней не потому, что ты начал жить. И даже если ты не будешь дышать, тебе это не поможет снова ее найти.

Все это я говорю спящему Оливье. Постепенно его дыхание становится тише. Когда я замолкаю, то с волнением замечаю, что он дышит носом, его дыхательные пути очистились, шумы исчезли, я ощущаю только легкое дуновение от его дыхания. Я прямо-таки ошеломлена этим результатом. Мне хочется сказать об этом вслух, обратить на это внимание нянечки, словно я не верю собственным глазам и ушам.

Через месяц я узнаю, что дыхание у Оливье полностью нормализовалось. Уже подыскали и семью, готовую его усыновить. Через несколько дней состоится ее первая встреча с ребенком - ему исполнилось три месяца и меняется.

Возвращаясь к этому случаю (одному из первых), я очень четко вспоминаю свои мысли, чувства, ощущения: как в начале консультации я сомневалась, что я умею понять смысл болезненных симптомов, которые заметила у Оливье, выявить первопричину его страдания, как учил Лакан, а не просто лечить его внешние симптомы. Вспоминаю, какое волнение и страх я испытывала - ведь теория учит лишь общим правилам, как читать подсознание, но каждый сеанс - всегда первый и неповторимый. Помню, как сильно были напряжены у меня мышцы и психика, пока я слушала рассказ о ребенке, но как уже гораздо легче мне было выражать словами

чувства и мысли, которые породил у меня рассказ о его жизни. И как мне помогла внутренняя убежденность, что он меня понимает. Но какая усталость и опустошение наступили у меня после консультации! И как согревало меня воспоминание о Франсуазе Дольто, которая принимала детей, уже не расставаясь с кислородным баллоном - в одном шаге от смерти и при этом такая живая. Еще одно расставание.

Мать Оливье сознательно дала ему жизнь. Отделение одного тела от другого было запрограммировано и произошло не в больнице, а в машине «скорой помощи», то есть почти в домашних условиях. И сразу же после появления на свет ребенок попал под заботливую государственную опеку. Благодаря этому он ощутил свое тело. И ощутил себя субъектом, желанным для окружающих.

Персонал яслей не мог удержаться от разговоров по поводу его матери и вполне естественных рассуждений, что «если она хорошая мать, то не покинет своего ребенка». Выражая подобным образом свои мысли, нянечки принимали желаемое за действительное.

Как раз после этого у Оливье начались кожные высыпания, происхождение и характер которых врачи так и не установили. Он изо всех сил старался подчиниться воле своей матери - быть усыновленным семьей с иным цветом кожи, который он тоже сможет перенять. Известно, что малыши верят, что у них тот же цвет кожи, что и у человека, который заботится о них. Но для того, чтобы Оливье естественно и без осложнений привыкал к новым родителям, он должен знать, что его биологические отец и мать всегда будут оставаться в нем.

Так как нянечки надеялись, что биологическая мать Оливье вернется за ним, ребенок, настроенный позитивно по отношению к ним, не почувствовал пустоты, которую неизбежно порождает любая разлука с матерью. Но как только они вслух признали эту пустоту, Оливье сам пытается воссоединиться с матерью в единое тело, возвратиться к тому состоянию, когда он не был в одиночестве, а находился в своей матери - до того, как была перерезана пуповина. Перерезанная пуповина, неизбежно означающая отделение одного тела от другого, для Оливье стала означать еще и то, что с материнским телом он может воссоединиться не иначе, как только внутри себя.

Рассказав Оливье о пережитом им болезненным разрыве, я, надеюсь, помогла Оливье ужиться со своим собственным телом и спокойно расстаться с другим телом - телом матери.

ЗОЕ, НАРКОМАНКА ОТ РОЖДЕНИЯ

Зое - три месяца. Представив мне эту малышку, сопровождавшая ее сотрудница яслей рассказывает мне историю Зое. Мать родила девочку анонимно. Имя ей дали уже в яслях. Несколько дней назад Зое получила официальное право быть удочеренной: ее биологические родители не воспользовались положенным трехмесячным сроком, чтобы изменить первоначальное решение. При рождении она весила 3 150 граммов. Мать не видела ее после родов. Она рожала под общим наркозом и не пожелала видеть своего ребенка. Мать и отец Зое ВИЧ-инфицированы. Зная об этом, мать подумывала об аборте, но так и не сделала его. Я знаю, что эта женщина несколько раз проверяла кровь на вирус СПИДа еще до рождения первого ребенка и дважды до того, как забеременела Зое. Вдобавок она еще и наркоманка и продолжала принимать героин во время беременности.

Поэтому, едва родившись на свет, Зое сразу проявила все признаки абстинентного синдрома и к тому же она родилась ВИЧ-инфицированной.

Зое прибыла в ясли, когда ей было восемнадцать дней. Все эти дни она оставалась в родильном доме, где ее отучали от наркотика. Поначалу она была очень живым ребенком и с удовольствием опустошала рожки с питанием.

Но когда Зое было пять недель, у нее после ванны внезапно останавливается дыхание, кожа становится синюшной, давление падает. Нянечка встряхивает девочку - та снова начинает дышать и засыпает. После этого тревожного случая, опасаясь за жизнь девочки, ее на десять дней перевели в больницу для медицинского обследования. Из больницы она возвращается с воспаленной кожей на ягодицах, и нянечки (учитывая ее ВИЧ-инфицированность), впервые надевают перчатки, хотя они затрудняют контакт с ребенком. Общее состояние Зое очень изменилось: она много спит, сама ничего не просит, но охотно выпивает даваемые ей рожки с питанием и постепенно прибавляет в весе.

Ко мне на консультацию ее привезли из-за диареи, которая не поддается никакому лечению и усиливает раздражение кожи на ягодицах.

Зое равнодушно висит на руках у нянечки. Я с трудом пытаюсь поймать вялый взгляд ее почти закрытых глаз.

Меня крайне озадачил услышанный мною рассказ: я впервые сталкиваюсь с ВИЧ-инфицированным ребенком и могу лишь догадываться о возможной эволюции инфицированности у грудного ребенка. Я не могу не осуждать ее родителей, а это мешает мне слушать Зое. Но тут я вспоминаю, что диарея - это одно из проявления абстинентного синдрома. Вот теперь мне есть что сказать Зое:

- Тебя привезли ко мне потому, что мы все стараемся понять, почему у тебя не проходит диарея, которую врачи никакие могут вылечить. Эта диарея у тебя из-за матери, которая тебя никогда не видела. Когда ты была у нее в животе, твоя мать принимала наркотики и ты принимала их вместе с ней. Когда ты родилась, твои родители решили за тебя, что тебя воспитает другая, приемная семья. У них был контакт с вирусом, из-за которого можно очень сильно болеть. не известно, долго ли они еще проживут. Ты лишилась и матери и наркотика, который она принимала. Тебя хорошо лечили, чтобы отучить от наркотика, но, возможно, не вылечили от тоски по матери. Я думаю, ты страдаешь из-за отсутствия матери, и я хочу встретиться с тобой еще раз.

Слушая меня, Зое с трудом приоткрыла глаза, но как только я умолкла, глаза ее снова закрылись. После этого у меня начались летние каникулы, и я снова увидела Зое только два месяца спустя.

Зое уже пять месяцев. Нянечка говорит, что девочка чувствует себя значительно лучше. Она ничего не говорит о диарее, а я не задаю никаких вопросов. Зое, рассказывает нянечка, улыбается, проявляет живой интерес к внешнему миру, хорошо держит головку. Я же вижу перед собой неподвижную симпатичную девочку, с пустыми глазами, у которой не могу пробудить никакого интереса, несмотря на все мои старания: я разговариваю с ней, протягиваю ей разные предметы, напеваю песенку. Руки у нее горячие, но лежат без движения, глаза ни на что не реагируют. Я рассказываю ей ее собственную историю и историю ее родителей. Только когда я произношу слова «твоя родная мать», она взглядывает на

меня и слегка выпрямляется. Я собираюсь закончить сеанс, но тут она начинает громко плакать. Я говорю ей:

- Я думаю, ты плачешь оттого, что когда твоя мать была беременна тобой пятый месяц, произошло что-то неизвестное мне. Может быть, в это время твоя мать больше всего хотела сделать аборт. Но теперь ты родилась, ты здесь, с нами, и ты можешь сама решить, хочешь ли ты жить.

Зое перестает плакать, закрывает глаза, и я прощаюсь с ней.

Месяц спустя я вижу, что Зое уже не такая сонная, как в прошлый раз. Она выглядит куда более оживленной и смотрит на меня с улыбкой, когда я разговариваю с ней.

Глаза у нее открыты, а взгляд - более веселый. По мнению нянечки, Зое чувствует себя очень хорошо. Кожа на ягодицах очистилась, к ней можно прикасаться голыми руками без перчаток. Последнее обследование не обнаружило вируса СПИДа в ее крови. Служба социальной помощи уже подыскала приемную семью, которая давно хочет усыновить ребенка, но еще не знает, что этот ребенок будет Зое. И сама Зое может уже думать о своих приемных родителях, хотя их еще не знает.

Пройдет еще два месяца и Зое (которой исполнится восемь месяцев) удочерит супружеская пара, которой дали информацию о биологических родителях Зое и о короткой жизни самой девочки.

Им сообщили также мое имя, так что у них есть возможность при желании обратиться ко мне, что они позже и сделают.

Родив ребенка под общим наркозом, мать Зое не видела ее после родов. Она не видела также, как перерезали пуповину. Она не признала младенца и не дала ему имени, что означало: она не хочет, чтобы он жил. Зое плохо перенесла расставание с матерью (вдобавок она отравлена наркотиком), но без осложнений пережила то, что осталась безымянной. Когда Зое было пять недель, произошел тот самый случай, когда после ванны у нее остановилось дыхание. Не нужно забывать, что при госпитализации происходит еще одно расставание - с персоналом яслей. В эту пору Зое не может ни жить, ни умереть.

Она своим телом воспроизводит процесс своего появления на свет: выход из воды (роды) провоцирует у нее утрату жизни (остановку дыхания). Ее глаза все время закрыты, как у матери, которая ее не видела, что означает отсутствие отношения к ней; желудок никогда не закрывается: она проглатывает содержимое рожков, когда ей их дают, но сама ничего не просит и тут же опорожняется через анальное отверстие. Зое пережила отсутствие наркотика, но не может смириться с отсутствием матери, которая не дала ей жизненной энергии - ни словом, ни своей волей. Первые пять месяцев Зое помогала жить забота всего ясельного персонала, и девочка переносила тлевший в ней огонек жизни на окружающих ее сиделок. Контраст между тем, что говорила сиделка о хорошем самочувствии Зое и тем плохим состоянием, которое бросилось мне в глаза во время второй консультации, напомнил мне, что именно во время сеанса с помощью психоаналитика и переноса чувств (трансфера) заживляются подобные разрывы.

Но я не понимала, из-за чего Зое страдает. Я обратилась к ней со словами, которые уже приводила выше, но меня удручало собственное непонимание. Ее плач словно встряхивает меня - и тогда меня осеняет - ведь Зое сейчас сама подсказывает

мне причину ее страдания, ее разрыва: с ней что-то произошло на пятом месяце беременности. Франсуаза Дольто учила нас, что если у ребенка в возрасте до девяти месяцев проявляются какие-то болезненные симптомы, расспросите родителей, что произошло в этот же срок, во время беременности.

Именно этим вопросом я и задавалась, когда говорила с Зое: возможно, когда мать Зое была на пятой неделе (или пятом месяце) беременности, она попыталась или настойчиво собиралась избавиться от ребенка - вспомним случай «внезапной смерти» Зое в возрасте пяти недель и ее полную прострацию в пятимесячном возрасте во время консультации - она воспроизводила то, что происходило с ней в утробе матери.

Но правильная интерпретация невозможна, если о состоянии ребенка рассказывает третий человек, не включенный самим ребенком в сеанс. Это нарушает | курс лечения, блокируя ребенка от сферы учреждения, где он находится (или семейной сферы, если он живет с родителями), или школы. Только слушание в трансфере позволяет интерпретировать и объяснить ребенку то, что с ним происходит. Вот почему врач-психоаналитик никогда не спрашивает нянечек (или в других обстоятельствах - родителей) о наличии и проявлении болезненного симптома. То, что считают полезным сообщить о теле ребенка и его состоянии, формулируют и произносят в его присутствии, эта информация при нем записывается в досье (то есть у нее остается и письменный след), но все эти слова ни в коем случае не должны быть обращены к ребенку до того момента, пока он тем или иным способом не даст понять, что сам хочет об этом говорить. Совсем иное происходит, когда нянечка сообщает информацию о социальном статусе ребенка или его родителей (то есть, когда речь идет об усыновлении, помещении в определенное учреждение, о юридическом решении, принятом в пользу ребенка). В этом случае, когда прямо и словесно формулируют решения, касающиеся тела ребенка и его взаимоотношений с обществом, такая информация превращает его в субъект этих разговоров и помогает ему примириться с данным решением.

ФЛЕР, ДИТЯ ПОМОЙКИ

Прохладным днем, прогуливаясь по городскому аду, какой-то господин нашел новорожденную девочку, завернутую в розовые пеленки и засунутую в пластиковый мешок для мусора. Увидевшая это женщина отнесла малышку в полицейский участок, откуда ее отправили в больницу. Температура у нее была 55,5 градусов, а вес - 2 600 граммов. Левая ключица у нее оказалась сломанной, а пуповина аккуратно перерезанной. Врачи установили, что она родилась всего несколько дней назад. Ее назвали Флер [5].

Спустя тринадцать дней после того, как ее нашли, она поступила в ясли.

Ко всеобщему удивлению, девочка была вполне здорова. По закону она с первого же дня стала воспитанницей государства и власти принимали все меры, чтобы разыскать бросивших ее родителей.

Она оставалась здорова еще с месяц. После чего ее состояние в несколько дней резко ухудшилось: усилились до этого слабые хрипы в бронхах и кашель. У девочки начался бронхит, она стала задыхаться и на «скорой помощи» ее отвезли в больницу, в отделение реанимации.

Ясельная нянечка ежедневно навещает Флер в больнице и, по ее мнению, девочка чувствует себя плохо - она часто запрокидывает голову назад и не может произвести ни звука из-за интубации.

На шестой день пребывания Флер в больнице сотрудницы яслей обратились ко мне с просьбой помочь девочке. Я посоветовала одной из этих сотрудниц поговорить с Флер о следующем:

- рассказать ей о ее рождении (в связи с тем, что «она старается придать телу и головке положение, которое у нее было во время родов»); сказать, что мы не знаем, в каких условиях она родилась, но знаем, как ее нашли;

- сообщить, что ее родная мать покинула ее живой и доверила воспитание ее государству и что сама Флер тоже осталась жива;

- сказать, что неизвестно, увидит ли она когда-нибудь свою родную мать, которую сейчас разыскивает полиция;

- нам кажется, что Флер сама не знает, чего она хочет: жить или умереть; к ее выбору отнесутся с уважением, но здесь, в больнице, врачи обязаны делать все, чтобы маленькие дети не умирали;

- объяснить Флер, что ее мать живет в ней, а девочка думает, что легочное заболевание поможет ей вернуть то время, когда ее с матерью связывала плацента.

Очень скоро сотрудница пришла ко мне, чтобы рассказать, что она говорила с Флер, пока та спала. Перед ее уходом девочка проснулась и внимательно посмотрела на нее.

После этого ее состояние, к изумлению врачей, стало быстро улучшаться. И спустя два дня ее разрешили выписать из отделения реанимации. Сиделки радостно сообщили девочке, что ее выписывают из больницы. Однако, выписку пришлось отложить. У Флер началась диарея, она отказывалась пить из рожка и стала терять вес.

Проконсультировавшись со мной по телефону, сотрудница яслей сказала Флер, что, как мы поняли, ей очень трудно покинуть больницу.

Увидев радость сиделок, сообщивших ей о выписке, она, видимо, решила, что никто не считается с тем: хочет она сама жить или умереть. Но сиделкам платят именно за то, чтобы они лечили ее и помогали ей жить. А вот ее мать пока не нашли. И хотя сначала Флер заболела, потому что пыталась удержать мать в своих легких, а затем исторгнуть из себя с помощью диареи, ее родная мать навсегда останется в ней. Все это девочка выслушала очень внимательно, нахмутив брови. Когда заговорили о диарее, она заснула.

После того как Флер вернулась в ясли, ее раз в две недели привозят ко мне на консультацию. Ее физическое состояние не назовешь стабильным: временами возвращается кашель, вес тоже колеблется.

На третьем сеансе нянечка сообщает, что Флер чувствует себя хорошо и у нее более живая реакция на все, чем прежде. Нянечка подчеркивает, что девочка стала более коммуникабельной, и ее здоровье вызывает уже меньше беспокойства, разве что Флер остается все-таки несколько вялой.

Однако во время сеанса вся ее вялость исчезает. Она надрыдается от плача, демонстрируя, как я понимаю, свою боль и гнев, о чем я ей и говорю, попутно объясняя, почему она находится в яслях.

Прошло еще две недели и дыхательную гимнастику и массаж отменили: девочка кашляла теперь только, когда сердилась. Она начала улыбаться, ворковать, поднимать головку. Но на моих сеансах - никаких улыбок. Сдвинув брови, она очень серьезно слушает меня и смотрит во все глаза. Я буквально тону в огромных, широко распахнутых глазах Флер, которая напряженно, требовательно и не мигая смотрит мне прямо в глаза.

И чтобы не утонуть в ее бездонных глазах, я перевожу взгляд на ее живое лицо и нахмуренные брови. За несколько дней до заседания семейного совета, которому предстоит решить судьбу Флер, у нее началась рвота. А в день, когда ей сообщили, что подыскали приемных родителей, температура у нее подскочила до 39 градусов.

Во время сеанса, на котором все это мне сообщает нянечка, Флер, как всегда - сама серьезность. Я говорю ей, что у нее есть возможность обрести семью и мы надеемся, что она сама определит, подходит ли ей эта семья: «Ты сама решишь, нравится тебе эта семья или нет, как ты сама решала: жить тебе или умереть». При этих словах Флер взглядывает на меня с легкой и обезоруживающей улыбкой и поднимает голову.

Еще две недели спустя Флер приезжает ко мне в последний раз вместе с приемными родителями.

Девочка уже несколько раз встречалась с ними в яслях, и эти встречи внешне прошли вполне благополучно. Ее внес на руках приемный отец. На время разговора он передал ее матери. Удобно устроившись на ее руках, она углубила свой взор в материнские глаза и ни разу не взглянула в мою сторону. Взволнованные родители рассказывают мне о первых встречах с Флер и о том, как они счастливы, что могут ее удочерить. И как они благодарны биологической матери Флер: покинув девочку, она тем самым подарила им возможность воспитать ребенка!

Факт остается фактом: Флер была выброшена на дорогу, как ненужный мусор. Она физически преодолела крайнее одиночество, боль, холод, голод, угрожавшую ей смерть (ведь она уже почти превратилась в предмет, так как ее нашли без признаков жизни).

Рассказывая и объясняя ей все, что с ней произошло и происходило, ей помогли выжить и психически, благодаря символическим и воображаемым связям, которые она смогла создать, слушая наши объяснения.

«Аккуратно» перерезанная пуповина, описанная в медицинском досье Флер, подтверждает, что реальное отделение одного тела от другого произошло. А легочные заболевания, начавшиеся после того, как Флер была принята миром, означают, что не произошло процесса символизации с помощью слов, начинающегося с момента получения ребенком имени. Флер оторвалась физически от своего источника жизни, а связаться с ним снова с помощью символов она не смогла. Ее тело, найденное на помойке и оказавшееся без каких-либо связей, начало болеть, начало умирать, чтобы не умереть, потому что, как писал Д.Васс, «желание жить рождается только тогда, когда в теле возникает угроза для жизни».

Важно было сказать Флер, что она «может умереть», если как субъект она на самом деле хочет и может жить, даже разлученная по воле матери с источником жизни. Ее биологическое тело оживает всякий раз, как только возникает возможность создать новую связь, отдаться жизни. Когда нянечки «ухаживают» за Флер, она посредством своей дыхательной системы демонстрирует, с каким трудом

проникает в нее воздух, еще один источник жизни. На предстоящее заседание семейного совета, который должен упорядочить ее жизнь, она реагирует рвотой - на уровне пищеварительной системы. Когда ей сообщают о приемных родителях, у нее поднимается температура - и это у ребенка, который выдержал такой холод при переходе из внутриутробной жизни во внешний мир [6].

Если покинутый ребенок выживает, он вырастает куда более закаленным, чем другие дети: им движет желание жить, подвергнутое суровому испытанию. В современной больнице его телу практически не дадут умереть, а вот его психика - в опасности. Аналитическая терапия позволяет ребенку обрести внутренние семейные связи и в принципе уже к трем годам он может освободиться от зависимости от своих родителей (особенно если он их не имеет), даже если и нуждается еще в помощи взрослых.

Перечитывая свои заметки, я заметила, с каким доверием я говорила с четырехмесячной Флер о ее будущей приемной семье - я чувствовала, что она уже способна хотеть быть удочеренной и самостоятельно выбрать свою будущую семью.

Избранные ею родители с помощью слов признали родную мать девочки и ее настоящий возраст - пять месяцев (а не просто менее девяти месяцев, как туманно выражаются иные приемные матери, умалчивая о настоящей матери ребенка, словно они сами произвели его на свет). Они признали и место ребенка в области символических связей.

И я подумала: как мало мы знаем о раннем развитии человеческого интеллекта!

ГЛАВА 2 ПАПА УБИЛ МАМУ

Не всем повезло стать сиротой.
Жюль Ренар

Психология убийц притягивает всех и каждого. Убийство, совершенное из ревности, служит неиссякаемым источником для художников слова и кино. Во Франции к подобного рода преступлениям относятся даже с некоторым снисхождением. Вся пресса, к великому удовольствию своих читателей, непрерывно пишет об убийцах. Телевидение также предоставляет им слово, и расценки за их откровения прямо пропорциональны любопытству благодарной публики довольной тем, что видит их за решеткой. Детская преступность пугает взрослых - ведь каждый из них может стать жертвой малолетних преступников и понимает, что нельзя отмахиваться от этого социального зла. Известно, что представительницы женского пола среди убийц и малолетних преступников в меньшинстве (позитивный результат общественного порядка, где доминируют мужчины?).

Условия жизни детей, родившихся в тюрьме, во время заточения их матери за совершенное ею преступление, также не обойдены вниманием; их изучают и вносят изменения в условия содержания, чтобы сохранить связь матери с ребенком. Жестокое обращение с детьми и преступления, жертвами которых становятся дети, вызывают яростное возмущение и даже расправы, в том числе среди заключенных. О таких фактах сообщают лишь в разделах происшествий, подогревая пылкую убежденность сторонников смертной казни. Гнев и отвращение, которые вызывают у нас убийцы, некоторым образом отражают нашу неспособность каждый раз противостоять собственным садистским наклонностям, которые мы проявляем по отношению к детям: кто не помнит, словно это было вчера, унижения, испытанного в детстве? Кто ни разу в жизни не злоупотребил властью в отношении ребенка? Разве возникла бы необходимость принимать Всемирную Декларацию прав ребенка, если бы эти права столь часто не нарушались в мире, претендующем на то, чтобы именоваться цивилизованным? Однако, насколько мне известно, до сих пор мало кто занимается нарушениями, которые бывают у детей убийц, появившихся на свет в момент трагедии. Их крайне редко приводят на консультации к психоаналитикам. Если такие дети живут в семье, то близкие делают все, чтобы сохранить свою драму в тайне. А если эти дети переходят под опеку государственного учреждения, там делают все, что ребенок на самом деле или хотя бы внешне забыл, что произошло с его родителями. Однако некоторым психоаналитикам приходилось иметь дело с людьми, чьи предки совершили преступление или участвовали в коллективном преступлении (особенно во время последней войны). Я консультировала маленьких детей (родители которых были убийцами) в то время, когда они жили в яслях Антони или уже в приемных семьях. Детские страдания, особенно если их первопричиной послужило насилие, доставляют много хлопот людям, которые взяли на себя трудную задачу: усыновить и воспитать таких детей.

Что делать в таких случаях, когда один из родителей убивает другого, а ребенок является сыном или дочерью одновременно и убийцы и его жертвы? Нужно ли говорить ему правду? И в какой форме?

Не хуже ли замалчивать подобные факты, если мы хотим позволить ребенку самостоятельно найти ответы на такие трудные вопросы - в соответствии с действующими в стране законами?

Опыт показывает, что когда от ребенка скрывают правду, дабы не подтолкнуть его к извращенной идентификации или желая уберечь его от «травматизма», - это замалчивание надежде не только не спасает от травм, но приводит к различным патологическим проявлениям в нескольких поколениях.

Вот, к примеру, одна короткая история - хотя таких историй можно было бы привести великое множество.

Девятнадцатилетняя Н. - мать маленького мальчика, которого по решению суда поместили в ясли, чтобы оградить от жестокого обращения со стороны матери. Сама она с младенческого возраста была воспитана приемной семьей, о которой сохранила самые добрые воспоминания. Ей никогда не говорили, кто были ее настоящие родители и почему ее удочерили. В восемнадцать лет она сошлась с человеком, который начал ее бить с первых же дней беременности. После родов ей трудно было заниматься сыном. Как раз в это время она разыскала, наконец, своих биологических родителей и узнала, что ее отец убил одного из ее братьев, когда ей самой было всего два года.

Ее сожитель продолжал избивать и ее и сына. Во время одной из таких семейных сцен она сама побила сына, после чего ее арестовали, а ребенка поместили в ясли. На суде всю вину за жестокое обращение с сыном она взяла на себя. Хотела «выгородить» своего друга, как она сказала мне потом.

Сама она не видела никакой связи между своим прошлым и сегодняшними проблемами. Люди, которые хотели «защитить» ее от страшной тайны, на самом деле невольно подтолкнули эту молодую женщину (против ее собственного желания) перевести историю ее семьи не в слова, а в действия.

Ее сын, который попал в ясли в двухмесячном возрасте, а ко мне - шестимесячным, явно отстает в своем развитии: он плохо двигается и ему не хватает коммуникативности, что с возрастом может усугубиться.

Даже в тех случаях, когда решаются сказать правду ребенку, нелегко найти необходимые щадящие слова. Да и правда от этого не становится менее ужасной. Поэтому чаще всего и стараются «защитить» ребенка от этой правды, хотя и понимают, что ничего это ему не даст.

В итоге ему или вообще ничего не говорят («ребенок еще слишком мал, чтобы что-то понять»), или сообщают лишь часть правды. Обычно также фальсифицируют факты: папа уехал, мама скоро вернется; он или она сделали это не нарочно. Лишь бы ребенок не узнал, что его родители преступили закон. Люди опасаются, что это горькое знание причинит ребенку не только боль. Они полагают, что у него возникнет искушение поступить таким же образом («каков отец, таков и сын»).

Почему нам, взрослым, так трудно говорить с детьми о преступлениях, которые совершили их родители? Почему мы думаем, что ребенок не способен «строить самого себя», проникаясь при этом уважением к закону, а не следовать модели поведения своих родителей? Почему мы стараемся показать себя всегда только в выгодном свете и замалчиваем наши слабости? Стоит ли так уж бояться критических суждений наших детей? Ведь живя в обществе, где все должны

подчиняться одним и тем же законам, ребенок никогда не осознает себя личностью, если ни разу не осмелится критически оценить поступки своих родителей.

Раньше или позже, но ребенок должен начать строить свою собственную жизнь, исходя из своих личных склонностей и способностей. И, не стараясь лишь повторять жизнь своих родителей - пусть даже самых замечательных!

Нас всегда крайне удивляет, когда закон нарушают дети и подростки из «хороших семей». При этом мы легко признаем, что кто-то из наших благополучных знакомых может происходить из неблагополучной семьи. В таких случаях мы лишь говорим: «Он (или она) сумел во-время выпутаться». То есть, когда речь идет о других, мы все-таки интуитивно признаем, что если даже человек в какой-то период жизни идентифицируется со своими родителями, он вовсе не обязательно будет им во всем подражать. А вот для собственных детей мы всегда стремимся оставаться моделью и пуще всего не любим их критики.

Сейчас вы познакомитесь с историями детей и с переживаниями взрослых (в том числе и работавшего с этими детьми психоаналитика), которые напомнят вам издревле знакомую и великолепно описанную в мифологии ситуацию: человек, которому мы полностью доверяли, вдруг превращается в безжалостного и смертельного врага. И такие родители, предстающие людоедами и убийцами, вызывают у нас самое сильное оттолкновение.

Когда мы познакомимся с историей убийцы, нам бывает очень трудно признать, что перед нами вовсе не монстр. Ведь если он не монстр, то на его месте могли бы оказаться и вы, и я.

Мы часто путаем экономический прогресс с уровнем нашей цивилизованности. Детей в нынешнем обществе рождается на свет меньше, чем в прошлые времена. Это соответственно повышает для нас ценность каждого ребенка. Но когда мы сталкиваемся с детьми, для которых жизнь в семье - это ад, и обществу приходится брать на себя их воспитание, нас охватывает смятение: как такое возможно в сегодняшней Франции, в ее самых разных социальных слоях? Какой прок от всех наших великолепных медицинских, технических и экономических завоеваний, если, успешно решая проблемы выживаемости и материального комфорта, мы не в состоянии при этом обеспечить детям элементарное человеческое существование?

Как психоаналитику мне было очень трудно работать с такими детьми и вместе с ними восстанавливать их психику. Почему на первых порах я не могла не осуждать их родителей, хотя прежде подобная проблема никогда не вставала передо мной?

Отсутствие «осуждения» не означает отсутствия клинического диагноза, но если психоаналитик «осуждает», это почти всегда означает, что себя он считает «лучше» родителей ребенка, которым он и данный момент занимается. В этом случае психоаналитик перестает быть врачом и становится опасным для ребенка, поскольку никогда не имеет права подменять собой судью по делам несовершеннолетних и их родителей.

Меня крайне беспокоило, что мое отношение к родителям ребенка может помешать мне услышать и понять, что чувствует ребенок. Работая с такими детьми, я - не без мучительных сомнений - пришла к очевидной истине: отсутствие критического отношения к родителям не должно быть самоцелью - оно необходимо мне как психоаналитику, чтобы выслушать и понять ребенка; но как член общества

я имею полное право вырабатывать свою оценку чьего-либо поведения - в соответствии с общепринятыми нормами и законом.

Эта истина не представлялась мне столь очевидной, когда своих детей ко мне приводили родители, которые слыли безупречными и никто в обществе не считал их преступниками. В этих случаях или само общество санкционирует их преступность, или мы при закрытых дверях, в своих кабинетах, узнаем о тех извращениях, которым подвергают родители своих детей и вынуждены сохранять тайну. Во время курса лечения невозможно говорить и делать все, что считаешь нужным, особенно если перед тобой маленький ребенок. Можно, конечно, отказаться продолжать курс лечения, чтобы не стать соучастником извращений таких родителей, которые остаются для общества вне подозрений, но нередко это еще труднее, чем говорить с ребенком о преступлении, совершенном его родителем и подлежащем наказанию в нашем обществе. Если преступление уже свершилось, его непоправимость не делает его менее страшным. Я не хочу отмахиваться от тех, кто упрекает психоанализ и особенно детский психоанализ в приверженности к нормативности. Но не нужно, на мой взгляд, путать две совершенно разные позиции: можно объяснить саму норму и почему общество приняло это как норму, а можно навязать норму в качестве идеала.

Андре Грин в своей работе «Ребенок-модель» задается вопросом: какие задачи может ставить перед собой психоаналитик помимо формирования «образцовых детей», даже если он действует в соответствии с желанием самого субъекта? Во время лечебного курса важно не только сформулировать закон или внушить уважение к запрету как таковому, что, однако, не должно сочетаться с воспитательными задачами. Психоаналитик решает проблему восстановления психики.

Когда психоаналитик работает с ребенком, то желательно, чтобы он ставил перед собой задачи, отличные от педагогической и решения проблемы адаптации, и я думаю, что все психоаналитики так и делают, независимо от того, признают они это или нет.

ЗАЧЕМ ЖИТЬ?

Мелина, которой полтора года, приезжает ко мне впервые спустя три месяца после помещения ее в ясли при драматических обстоятельствах: ее доставила чуда на рассвете полиция после того, как обнаружила, что трехлетняя сестренка Мелины была изнасилована и убита их родным отцом. В настоящее время оба родителя Мелины находятся в тюрьме: отец - по обвинению в жестоком обращении, которое повлекло за собой смерть ребенка, а мать - в соучастии и неоказании своевременной помощи своей дочке, которой угрожала опасность. Воспитательницы, которым было поручено заниматься Мелиной, предварительно договорились между собой, как сообщить Мели-не, что ее родители арестованы. И они сказали девочке, что все это из-за того, что ее сестра умерла, потому что она не хотела и не могла больше жить.

Мне было неловко слушать воспитательницу из Службы социальной помощи, которая рассказывала мне историю Мелины, неподвижно прильнувшей к нянечке. Этой воспитательнице было явно не по себе, и когда я услышала эту двойственную формулировку, приписывающую странное «желание» или вернее «нежелание жить» умершей сестре Мелины (получалось, что тем самым воспитательница оправдывает поведение родителей: девочка не хотела жить - потому они ее и убили!), то поняла, почему сама чувствую себя так неловко, и сочла необходимым прервать ее:

- Никто не может сказать, что хотела твоя сестра, которая теперь мертва, и ты ее больше не увидишь. Ее убил твой отец - я не знаю, почему. Он находится в тюрьме, потому что ты живешь в обществе, где запрещено причинять вред детям и их убивать. Твоя мать тоже находится в тюрьме, потому что она должна была защитить твою сестру, а она не смогла это сделать. Дети не могут оставаться с родителями, если те находятся в тюрьме. Вот почему ты теперь живешь в яслях. Твои родители живы, твоя мать думает о тебе и просит разрешения увидеться с тобой, но ей пока этого не разрешают. Стоит ли говорить все это полугодовалому ребенку?

Всю короткую жизнь Мелины за ней присматривал отец, безработный. В течение дня он, возможно, на ее глазах истязал старшую сестренку Мелины, но ей самой он не причинил физического вреда. По вечерам Мелина видела и мать, которая где-то работала. Девочка и мать были очень привязаны друг к другу. Больше Мелина практически никого не знала и не видела: у ее родителей не было ни родственников, ни друзей. После трагической сцены насилия, о которой мать Мелины расскажет мне позже, после того как девочка увидела растерзанное тело сестры и на ее глазах полиция арестовала ее родителей, применяя при этом физическую силу, чужие люди увезли ее в чужое место, где она больше не видит ни сестры, ни родителей. Первые два месяца она оставалась довольно живым ребенком, поражая всех своей независимостью, молчаливостью и тем, что никому не позволяла прикасаться к себе, но потом она вдруг впала в апатию и безразличие. Скорее всего, несмотря на самый лучший уход, она просто исчерпала помогавшие ей до сих пор жить родственные узы, связывавшие ее с семьей. Когда ребенку полтора года, чтобы ни делали его родители, это «хорошо», а папа, который бьет своих детей, это и есть «настоящий папа». Начало жизни Мелины связано с насилием, а вступление в общество - с жестоким разлучением с близкими. Пережив этот грубый разрыв, покинутая и одинокая Мелина «отказывается от самой себя».

Может быть, как и ее сестра, она должна «захотеть» умереть, чтобы вернулись ее родители?

Открыть в этой ситуации Мелине правду (в частности, кто из ее близких мертв, а кто жив), сказать о наличии закона и о том, что ее родители и она сама зависят от него, мысленно и реально привязать ее к матери - это означало вернуть ей чувство достоинства, мужества и силы, чтобы позволить окружающим взрослым людям оказать ей необходимую помощь.

Самостоятельность, которую поначалу демонстрировала Мелина, проявляя свою псевдонезависимость - это была всего лишь попытка выжить самостоятельно (когда рассчитывают только на себя). Но выживание - это не жизнь, и вот теперь девочка впала в оцепенение.

Но даже полугодовалую Мелину не стоило поддерживать в мысли, что ее отец и мать - это люди, которые всегда поступают правильно и достойны подражания. Будет противоестественно позволять ребенку думать, что инцест и убийство - это вещи, которые допустимы для взрослых. Точно так же не стоит скрывать от ребенка испытания, которые претерпевают сейчас его родители.

При этом необходимо было сказать Мелине, что сама она - вполне достойное существо, родившееся от людей - достойных уже потому, что они дали ей жизнь, что бы они потом ни совершили. Наказание, которому их сейчас подвергают - неизбежно, потому что они совершили непоправимое - лишили жизни человеческое

существо. Преступление, совершенное ее родителями, вовсе не ставит под вопрос происхождение и появление на свет самой Мелины - это важно знать каждому человеческому существу.

И еще важно правонарушение назвать правонарушением, если не стараешься его оправдать и стать по сути его соучастником.

Первые три месяца все сеансы подряд Мелина непрерывно плакала и громко вопила, сидя на руках у нянечки или улегшись на полу.

Это были мучительные сеансы: Мелина покидала их обессиленная, я - тоже.

Однако в яслях, как говорили нянечки, она чувствовала себя лучше, она начала говорить, произносить «мама», играть с другими детьми и шалить. Она стала получать вести от родителей: почтовую открытку от отца и посылки с одеждой и игрушками от матери из тюрьмы.

Сопоставляя информацию, получаемую из ясель, и поведение Мелины во время сеансов, я решила, что смогу выразить словами ту боль, что переполняла эту девочку. Слушая меня, она прижималась к нянечке, стараясь найти у нее утешение. Но понемногу она начала возвращаться к нормальному состоянию.

Когда Мелине исполнился уже год и восемь месяцев, она посетила свою мать, которая по-прежнему содержалась в тюрьме - это была их первая встреча после того, как их разлучили полгода назад. Увидев мать, Мелина тут же направилась к выходу, но потом дала себя уговорить и уселась на коленях у сопровождавшей ее нянечки. Девочка не сделала ни одного жеста или шага навстречу матери, но во все глаза смотрела на нее.

Очень тактично, ласково и взволнованно мать заговорила с дочкой, сначала по-французски, а потом на родном языке. Она раскладывала перед ней свои подарки, даже не пытаясь взять девочку на руки или даже хотя бы коснуться ее.

Прощаясь, Мелина равнодушно позволила поцеловать себя, оставаясь на руках нянечки, и сказала «до свидания».

Во время сеанса, на котором мне рассказывают об этой встрече, Мелина падает на пол и, лежа на спине, громко вопит, не выпуская при этом руки нянечки, которая возила ее в тюрьму. Я говорю ей, что она, видимо, очень любит свою мать и поэтому так сильно обижается на нее за то, что она покинула ее в этих яслях. Но ее мать не хотела разлучаться с ней: их обоих разлучили против их воли, но теперь они смогут видеться. Так как Мелина лежит на полу в позе новорожденного, я говорю ей, что когда она была совсем маленькая и лежала в колыбельке, ее мать ухаживала за ней и они жили тогда вместе, сестра ее тогда еще не умерла, а отец не был в тюрьме. Внезапно Мелина прекращает плакать, встает с пола и выходит из кабинета.

Ближайшая встреча с матерью, назначенная через месяц, состоялась уже не в тюрьме, так как до суда ее выпустили из-под стражи. Поэтому мать получила теперь разрешение трижды в неделю посещать дочку в яслях. Она сразу же пожелала выводить девочку на прогулки, но это пока запрещено: вместе с другими детьми Мелина может сколько угодно покидать ясли, но во время свиданий с матерью Мелина должна оставаться в яслях.

«Месяц спустя мать впервые сопровождает дочку на консультацию ко мне и будет приходить теперь почти на все консультации. Эта молодая женщина, отличающаяся редкой красотой, обливаясь слезами, расскажет мне - в присутствии

дочки, которая по-прежнему отказывается к ней подходить, - все, что ей довелось пережить: детство в родительском доме, замужество по сватовству, переезд во Францию, жизнь в полной изоляции, физический ужас, который ей внушал муж, чудовищную смерть старшей дочери, грубость и безжалостность полицейских во время ареста, тюрьму... Единственное, что помогает ей теперь существовать - это надежда, что ей позволят жить с Мелиной, хотя ей самой предъявлено обвинение и вот-вот состоится суд.

Она всячески старается задобрить и обласкать Мелину, засыпая ее словами любви и подарками, и, несмотря на боль, с пониманием относится к недоверию, которое проявляет пока дочка: мать ни в коем случае не хочет причинить ей зла и заставить ее плакать. В конце этого разговора я сказала Мелине: «Твоя мама понимает, что должна снова заслужить твое доверие, так как она не смогла защитить твою сестру и помешать вашей разлуке». Услышав эти слова, Мелина отщипнула кусочек пластилина и протянула его матери.

Последующие месяцы мать и дочь одновременно приезжали ко мне на сеанс. Отношения их станут более теплыми, хотя Мелина будет проявлять некоторую холодность и одновременно тираническую требовательность по отношению к матери. Девочка быстро усвоит, что мать, мучимая чувством вины, не может ей ни в чем отказать. Обретя новые, но стабильные отношения с матерью, Мелина почти сразу после сеанса будет теперь выходить за дверь, оставляя мать наедине со мной, и дожидаться ее в приемной.

Наконец наступил день, когда она вообще отказалась войти в мой кабинет, и я приняла только ее мать. После сеанса я спросила Мелину: «Нужно ли тебе еще приезжать, чтобы разговаривать со мной? Может быть, пусть лучше приезжает твоя мама, которая, как мне кажется, очень сильно страдает - как ты сама страдала, когда мы с тобой только встретились?» Мелина утвердительно кивнула головой.

Ее мать была потрясена. И теперь она, по предписанию своей дочери, могла уже самостоятельно продолжать у меня курс лечения вплоть до начала суда.

Отец Мелины был приговорен к пожизненному заключению с лишением родительских прав. Мать, с которой сняли обвинение в соучастии, была тем не менее приговорена к максимальному сроку за неоказание помощи находившемуся в опасности ребенку: пять лет тюремного режима и лишение родительских прав.

ГЛАВА 3

МАТИАС, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ СТАТЬ КОТЕНКОМ

*Когда я был младенцем,
то по-младенчески говорил,
по-младенчески мыслил,
по-младенчески рассуждал...*

Апостол Павел, «Первое послание к Коринфянам»

Не все дети, содержащиеся в яслях, страдают от такого грубого разрыва семейных связей, как дети, о которых я рассказывала в предыдущих главах. Но бывает, что сами отношения «родители-ребенок» могут послужить причиной для изоляции ребенка от родителей (не говоря, естественно, об очевидных случаях жестокого обращения с детьми). В подобных случаях неизбежно встает деликатный вопрос: позитивно ли сказывается на ребенке переселение его в ясли?

Известны случаи, когда дети, живущие в семье, вдруг перестают расти, но стоит их переселить в ясли, как они снова начинают расти. Но даже в этих случаях педиатры не признают, что разлучение с родителями оказывает целебное воздействие. Семья практически всегда рассматривается как идеальное место для жизни ребенка.

Декларация ООН со всей определенностью признает семью основной и естественной средой для благополучного развития всех ее членов, включая детей.

Статья № 7 уточняет, что ребенок с момента своего рождения и в дальнейшем имеет право знать своих родителей и быть ими воспитанным. Однако мы все чаще сталкиваемся с жестоким обращением с детьми, когда ребенку угрожает опасность в его родной семье. В таких случаях нам ничего не остается, как менять свой взгляд на семью как идеальное место для воспитания ребенка.

Наше общество, чтобы защитить ребенка, позволяет нарушать профессиональную тайну, если это требуется для его защиты. И если кто-то знает о жестоком обращении или опасности, которым подвергается другой человек, но не предпринимает никаких мер, чтобы защитить этого человека, закон признает его виновным. Если становится известен факт жестокого обращения с ребенком, изоляция ребенка от родителей - это одна из возможных, но зачастую необходимых мер, призванных защитить ребенка. Поэтому трудно утверждать, что изоляция ребенка от семьи в любых обстоятельствах сказывается болезненно на ребенке.

Тем не менее некоторые судьи по делам несовершеннолетних, часть психоаналитиков и педопсихиатров продолжают придерживаться мнения, что изоляция от семьи во всех случаях негативно сказывается на ребенке. Такой же точки зрения придерживаются зачастую и люди, работающие в детских учреждениях. Это предопределяет и организационный принцип таких учреждений, которые рассматриваются как временные приюты для детей. Ребенок должен помещаться в них лишь на "короткий срок, после чего его возвращают либо в родную семью, либо находят для него приемную, которая по своей структуре более похожа на «настоящую семью», чем приют или ясли. И надо сказать, такие приемные семьи обходятся государству дешевле, чем учреждения. Однако на деле дети остаются в таких учреждениях гораздо дольше, чем хотелось бы их

руководителям, да и хорошие приемные семьи найти почти невозможно, особенно в Париже и его пригородах.

Есть немало учреждений, где имеются все возможности, чтобы не разлучать мать с ребенком, особенно грудным ребенком, отчего выиграли бы и мать и ребенок. Но как это ни парадоксально, в большинстве детских больниц и некоторых роддомах легко «забывают» о том, что разлучение матери и ребенка может вызвать травму. У нас слишком мало детских учреждений, где родителям позволяют оставаться с детьми. Чаще всего даже в роддомах новорожденного разлучают с матерью не только на ночь, но и на день, и мать общается с ребенком лишь в часы кормления. А ведь если вдуматься, подобное разлучение матери с ребенком можно было бы расценить как неоказание помощи личности, находящейся в опасности, если знать о тех драматических последствиях, которые влечет иногда такое совершенно неоправданное разлучение. Благодаря аналитической работе, которую проделали администрация и персонал яслей Антони, там выработали такую позицию: ясли не являются наилучшим местом для жизни ребенка и должны служить ему лишь временным убежищем. Общество должно заботиться о ребенке, и его обязанности не ограничиваются предоставлением ему приюта и удовлетворением его материальных потребностей. Но и у ребенка есть свой долг по отношению к обществу - противостоять всему, что может повлечь за собой его преждевременную физическую и психическую смерть. Если взрослое окружение ребенка неблагоприятно влияет на здоровье и развитие ребенка, очевидно, что в этом случае должны быть приняты меры, необходимые для защиты ребенка. И не нужно избегать возможности хотя бы временно поместить ребенка в условия, которые окажут на него благотворное и даже терапевтическое воздействие и где к ребенку относятся как к заслуживающему уважения субъекту.

Если физическое разлучение ребенка с родителями хорошо подготовлено, объяснено (исходя из контекста) и при этом их контакты сохраняются, то вовсе необязательно рассматривать этот акт как драму. Напротив, он может дать возможность понять, выразить словами и изменить запутанную и опасную для ребенка ситуацию, когда сам он еще не в состоянии защитить себя.

Первый сеанс

Матиас не подвергался жестокому обращению, которое могло бы привлечь к нему внимание компетентных организаций. И не шаткое социальное положение родителей послужило причиной для помещения его в ясли. Причина была гораздо более тонкой и незаметной для постороннего глаза, однако, было принято решение изолировать Матиаса от родителей. Историю этого ребенка, в его присутствии, мне рассказала работница яслей.

Годовалого Матиаса поместили в ясли после того, как он два месяца пролежал в больнице с бронхиолитом. До этого он жил с родителями, в довольно трудных материальных условиях. В Центре защиты матери и ребенка, куда возили Матиаса на консультацию еще до его заболевания бронхиолитом, пришли к выводу, что в семье ребенка нарушаются элементарные правила гигиены. По утверждению матери, проблемы с дыханием начались у Матиаса несколько месяцев назад, когда Служба помощи родителям помогла им поселиться в квартире, где они сейчас уже не живут.

Матиас - третий ребенок в семье, где всего три сына. Все дети появились на свет с помощью кесарева сечения, но при разных обстоятельствах. Старшего ждали «трое родителей» (отец, мать и бабушка с материнской стороны). Второго ребенка хотела уже только одна мать. Когда ждали Матиаса, отец и бабушка настаивали на аборте. Мать решила все-таки сохранить ребенка и родить его себе в подарок, что не мешало ей во время беременности часто думать о смерти. Отец, скрыв это от жены, попросил врачей перевязать ей трубы, что и было сделано во время родов, которые проходили под общим наркозом.

В настоящее время старший сын живет в специальном интернате. Родители говорят о нем: «Это настоящее животное» (позже я узнаю, что в этой семье это звучит как комплимент). У среднего, шестилетнего сына, большие трудности с речью и усвояемостью, но он живет с родителями.

У матери есть брат, у отца - много братьев и сестер. Бабушка со стороны матери занимает очень важное место в жизни этой семьи. Она единственная, кто в ней работает, иногда дает возможность подработать отцу. И она предоставляла дочери временное пристанище в своем частном домике. Однако их выставили оттуда из-за непригодности этого жилья, уже предназначенного на снос, но главной причиной были жалобы соседей, недовольных тем, что в доме жило много животных. После этого их переселили в квартиру, где Матиас и начал болеть. На время переезда все животные были пристроены, а затем поселились и в новой квартире. Отец уже несколько месяцев безработный. Мать тоже нигде не работает.

Мать сурово обходится со средним сыном и более отстраненно - с Матиасом. Родители очень часто навещают его в яслях. Во время его госпитализации социальные службы, с согласия родителей и не прибегая к юридическим формальностям, решили поместить мальчика в ясли на минимальный трехмесячный срок, чтобы он окреп и полностью избавился от легочного заболевания.

В день первой консультации Матиасу год и пять месяцев и в яслях он находится уже пять месяцев. Несмотря на лечение и уход, Матиас постоянно страдает нарушениями в дыхательной системе, которые в будущем могут привести к серьезным заболеваниям. Поскольку медикам никак не удастся его вылечить, персонал яслей, с согласия родителей, решил обратиться ко мне.

Я смотрю на Матиаса. Это очень приятный внешне ребенок. И я не замечаю никаких отклонений, которые могли бы каким-то образом быть связаны с его постоянными легочными заболеваниями (я думаю, конечно о муковисцидозе, который передается по наследству, но необходимые анализы наверняка уже сделаны). Для его возраста у него нормальный рост и вес, его можно даже назвать упитанным. Прежде всего Матиас направляется к единственному мужчине, присутствующему на моей консультации, а затем молча садится. Вид у него довольно невеселый. Он не двигается, не играет, а внимательно слушает взрослых, которые говорят о нем, и его живой взгляд контрастирует с полной неподвижностью. Невозможно не обратить внимание на то, как шумно он вдыхает и выдыхает воздух. Шум, производимый им при дыхании, кажется мне странным и одновременно знакомым. Слушая то, что мне рассказывают, я не смотрю на Матиаса, но прислушиваюсь к его шумному дыханию. И вдруг я понимаю, что он мурлычет.

После того, как мы более часа говорили о Матиасе, я, наконец, обращаюсь прямо к нему и говорю, что, как я поняла, его мать любит маленьких зверят больше, чем маленьких детей. Его шумное дыхание напоминает мне мурлыканье котят, которых очень любит его мама-кошка.

- Может быть, ты думаешь, что если бы ты был котенком, твоя мама любила бы тебя больше? Но ты родился человеческим детенышем и не сможешь стать котенком, даже если научишься мурлыкать,- говорю я Матиасу.

Второй сеанс

Случилось так, что по разным причинам второй сеанс состоялся лишь пять месяцев спустя после первого. А все последующие сеансы будут проходить с очередностью раз в две недели.

Сегодня на моей консультации помимо меня присутствуют еще четыре психоаналитика. Матиаса, которому уже год и десять месяцев, приводят ясельная нянечка и сотрудница социальной службы. Он отказывается входить и самостоятельно спускается по лестнице в зал ожидания. Разговаривая с сопровождающими его дамами, я оставляю дверь открытой, чтобы он мог вернуться.

Нянечка рассказывает, что Матиас часто падает и бьется головой об пол, изо рта у него выделяется обильная пена, легочные заболевания не прекращаются, он часто капризничает, когда ему дают рожок с питанием. А в остальном он развивается вполне нормально.

Родители навещают его каждый день, но, по наблюдениям ясельных нянечек, отношения с ребенком складываются у них нелегко: мать то прижимает его, то отталкивает; отец играет с сыном, но быстро раздражается и начинает его шлепать. Известно, что соседи этой семьи жалуются, что у них живут пять кошек, две собаки и черепаха, так что им опять угрожает выселение из квартиры.

Во время нашего разговора Матиас лежит внизу под лестницей. Я иду к нему и предлагаю ему подняться. Он отказывается. Тогда я посылаю нянечку. Она приносит его на руках, и он не вырывается. Может быть, он хотел, чтобы его принесли? Как только нянечка ставит его на ноги, он укладывается на пол, а голову кладет между туфлями нянечки. Рукой он трогает ботинки психоаналитика, к которому направился во время первого сеанса (пять месяцев назад), после чего начинает тихо плакать и мурлыкать.

Я говорю ему:

- «Ты Матиас К. и ты не маленький зверек, из тех что так любит твоя мать. Ты - человеческий детеныш». При слове человеческий, на котором делаю я ударение, он совершенно отчетливо произносит: «ДА». И продолжает плакать. И вот он плачет, а я говорю: «Я понимаю, что ты очень сильно страдал. Тебе так хотелось стать маленьким зверьком, чтобы тебя больше любили». Матиас продолжает плакать, и я спрашиваю его: может быть, он хочет, чтобы нянечка утешила его? И тут, ко всеобщему удивлению, он очень твердо и спокойно говорит: «НЕТ». И продолжает тихо плакать, оставаясь на полу.

Я говорю Матиасу о его боли, но и о его силе. О том, что ему можно помочь, а он отказывается от помощи. Возможно, он старался стать котенком, чтобы утешить опечаленную маму, когда ей на время пришлось расстаться со своими животными? Ему не удалось ее утешить, а его собственную боль никто не смог понять.

Сеанс заканчивается. Нянечка берет его на руки, чтобы унести. Он не сопротивляется, тут же прекращает плакать и улыбается всем присутствующим: он весь преобразился.

Этот сеанс поразил всех присутствующих, а я от него ужасно устала! Всех потрясло, как этот ребенок вдруг мгновенно вспомнил средства выражения, которые он должен был усвоить в пяти-шести месячном возрасте - это говорит о том, что в то время в его истории произошел какой-то разрыв, никак не выраженный словами. Его поведение во время сеанса не имело ничего общего с обычным поведением в яслях, когда он, по словам нянечки, «ребячится» или «капризничает». Грудной Матиас стал идентифицировать себя с маленьким зверьком и начал мурлыкать. Но свою принадлежность к роду человеческому и свои страдания он выразит словами, своими «да» и «нет», отвечая на обращенные к нему слова, которые помогут ему возвратиться в ту сферу, из которой он выпал, стараясь угодить матери.

Свалившаяся на меня усталость сродни той, что испытываешь после непривычной физической работы. Стараясь услышать и понять этого ребенка, я мобилизовала все свои скрытые возможности, которые в обычной жизни не находят применения. И это впервые в жизни, столкнувшись с дыхательной недостаточностью у маленького ребенка, я объясняю ее стремлением идентифицировать себя с животным...

Третий сеанс

Нянечка приводит Матиаса и помогает ему сесть рядом со мной. Я говорю ему, что у него открыт рот и высунут язык - он тут же прячет его. Нянечка сообщает, что Матиас по-прежнему капризничает и бьется об пол. На Рождество мать заберет его к бабушке.

Матиас очень любит есть. Он ест чересчур много и все подряд, даже из помойного ведра.

Матиас берет весь имеющийся у меня пластилин и держит его в руках, не зная, что с ним делать. Затем отделяет два кусочка и соединяет их в один. Он весь сконцентрирован на работе и снова высунул язык, совсем как грудные дети, когда слушают, что им говорят. Показав на коробку, где лежал пластилин, он говорит: «Больше нет». Некоторые звуки он при этом глотает. Он берет еще два кусочка и склеивает их. В конце сеанса он собирает все кусочки пластилина и кладет их в корзинку, что напоминает мне известное выражение: «Все мы находимся в одной лодке!»

Четвертый сеанс

Матиас отказывается входить ко мне в кабинет, как и в начале второго сеанса (может быть, он боится волнений, которые вызывает у него перенос чувств). Проблемы с легкими у него продолжают продолжаться. Но по мнению нянечки, он чувствует себя лучше. Как было заранее договорено, Матиас провел Рождество у родителей. Дома его обласкали и задарили игрушками (одна из них - резиновый голыш). Когда отец привез Матиаса в ясли, тот плакал. Он стал немного лучше говорить и не просыпается по ночам.

Во время сеанса он ведет себя совершенно спокойно и лишь временами высовывает язык (почти не изгибая его). Он лепит уже более сложные вещи из пластилина, а потом говорит: «Нет больше». Сегодня он не мурлычет. Я говорю ему:

- Ты уже не производишь шума, который издают горлом кошки. Ты работаешь руками с пластилином, чтобы что-то рассказать, животные не умеют этого делать.

Он сосредоточен, ловок и активен в течение всего сеанса, и я не ощущаю в нем ни малейшей тревоги. Он умеет пользоваться ластиком, карандашом и бумагой. В конце сеанса он раскладывает все предметы по местам. Я объясняю ему, что у каждого предмета свое место, но и каждое человеческое существо занимает свое место в собственной истории, в семье и в обществе. Тут вмешивается нянечка и говорит, что в семье Матиаса детей купают вместе с кошками... Это лишь подтверждает, что в этой семье бытуют очень смутные представления о том, какое место занимают в мире человек и прочие живые существа...

Пятый сеанс

Как всегда, Матиаса приносит на руках нянечка и сажает его на стул рядом со мной, хотя он сам умеет прекрасно ходить. Дыхание у него очень шумное. Я говорю - «Человеку не нужно дышать так громко, чтобы его заметили». Он кивает головой, соглашаясь. И втыкает карандаш в кусок пластилина, лежащий в коробке.

Нянечка рассказывает, что происходит с Матиасом во время дыхательной кинезитерапии. Матиас ходит на процедуры самостоятельно - он их просто обожает и с радостью подчиняется всем указаниям врача, даже медикаменты вдыхает с явным удовольствием. То послушание и даже удовольствие, с которым Матиас терпит неприятные процедуры, в том числе с ингалятором, ставят врача в затруднительное положение - она сомневается, должна ли она продолжать лечение. Она заметила, что вызывает у ребенка пассивную эротизацию. И ей в буквальном смысле неловко от того, что процедуры вызывают у этого ребенка совершенно очевидное мазохистское наслаждение. Как видим, любая часть тела может служить для ребенка источником эротических ощущений. А Матиас той порой играет в довольно сложную игру, манипулируя металлическим колесом, обмотанным цепью. Эта игра, эта цепочка отдаленно напоминают ингалятор и резиновую трубочку, по которой медикаменты попадают в организм. Но если в реальности Матиас пассивно подчиняется процедурам, то в игре он руководит ситуацией.

Шестой сеанс

Матиас по-прежнему требует, чтобы его на руках вносили ко мне в кабинет. Воскресенье он провел у родителей, и утром в понедельник с ним невозможно сладить. Он капризничает, катается по полу, ничего не хочет слушать. Он тяжело дышит, и нянечка говорит, что он делает это «нарочно».

Матиас стоит возле входной двери, и слегка приоткрывает ее. Три пальца одной руки он засунул в рот, а другой - записывает носовой платок в карман. Затем он начинает потихоньку выбираться из комнаты и прячется за дверь. Я говорю ему, что если он вышел из кабинета, то сеанс закончен. Тогда он стучит в дверь. Я несколько раз приглашаю его войти. Он мнетя у двери, но не решается войти, а затем вообще уходит.

Нянечка передает мне, что его родители хотят встретиться со мной.

Седьмой сеанс

Через несколько дней Матиасу исполнится два года. Его родители впервые приходят ко мне в Центр. Я сделала записи, которые почти полностью передают наш разговор о Матиасе. Поздоровавшись и пригласив их сесть, я спрашиваю, что они думают о сыне.

Мать. Да у него все хорошо.

Отец. Лучше, чем у братьев.

Мать. Когда у нас будет дом, мы сможем его забрать.

Они хотят продать свой домик и купить побольше.

Отец. Я родился в деревне. Сейчас я безработный.

Мать. Моя мать слышала об одном доме, что продается.

Я спрашиваю, как у нее проходила беременность, когда она ждала Матиаса.

Мать. Когда срок был четыре месяца, я боялась, что потеряю его. У меня было три кесаревых сечения.

Отец. Третьего (Матиаса) я не хотел.

Мать. А я все равно решила его сохранить. У меня есть брат, а я бы хотела, чтобы был еще один брат или сестра. Я сказала им (мужу и матери): это не вы, а я рожая!

Отец (глядя на Матиаса). Мой отец был вроде этого: рот открыт и язык висит. У него было больше признательности, чем у его братьев. (Я прошу уточнить, что он имеет в виду). Он знал больше, чем братья. Мои родители умерли. У них было девять детей, я шестой. Мать. А мой отец умер от рака, когда мне было десять или одиннадцать лет. Сейчас мне сорок два. Моя мать поселилась в домике. А мне плохо в нашей квартире. Мне нравится, когда дом отдельный. Каждые две недели я хожу к матери и когда возвращаюсь домой, то прямо погибаю. Мой муж много занимался Матиасом. Я нарочно его заставляла. Я сделала себе подарок ко дню рождения. Я хотела мальчика, а мама - девочку.

Матиаса кормили грудью всего неделю, после чего молоко у матери пропало. Она еще раз повторит, что рожала с помощью кесарева сечения. И равнодушно добавит, что во время родов, по просьбе мужа, ей перевязали трубы. Она провела в больнице всего два месяца (до родов и после).

Затем я спрашиваю, кто еще с ними живет.

Мать (выпрямляется на стуле и заметно оживляется). Две собаки: старый глухой охотничий пес Кики, которому уже восемнадцать лет, и сука моего старшего сына Дюдюс или Дюшес; пять кошек (мы выбрали одну бездомную, а она родила пятерых котят), котят зовут Мине, Лулут, Сури, Джонни, потому что он упал на гитару [7], и Калин. Еще у нас живет земная черепаха Диана, она ест все подряд, она уже слишком старая и не может закапываться (позже я узнаю, что зимой черепахи закапываются в землю). Матиас обожает кошек, он знает их всех по именам (в эту минуту Матиас тоже оживляется и произносит: ЛУНУ и АДА), а еще он любит играть с метлой, У них было четыре попугая, но они умерли. Собака первая почувствовала, что попугаи заболели. Я только и отдыхаю, что с животными. Я мама-кошка.

Раньше у нас была спальня, где было чересчур жарко, тридцать градусов. Как раз тогда он и начал мурлыкать. Еще там пахло лекарствами. Все три мальчика нервные, как их отец. А я мягкая. Когда Матиас приходит домой, он сразу становится другим, я сажаю его на горшок перед телевизором, и он сидит десять, тридцать минут...

Матиас берет мать за руку и тянет ее к двери. Родители дают согласие на то, что я продолжу заниматься Матиасом, «раз это хорошо для него». После этого мы расстаемся.

Благодаря этой встрече я узнала много нового. Но, может быть, мне стоило встретиться с родителями Матиаса значительно раньше? Возможно, я должна была проявить настойчивость, к примеру, написать им письмо, а не просто передать через сотрудницу социальной службы, что они могут прийти ко мне, если пожелают? С другой стороны, меня неприятно удивляло, что, дав согласие на мои сеансы, они ни разу не поинтересовались у меня, как идут дела у их сына. Поэтому я предпочла подождать, когда они сами изъявят желание встретиться со мной, что и произошло спустя несколько месяцев после начала курса.

Во время разговора с ними я услышала много неожиданного, хотя какие-то сведения лишь подтвердили мои собственные выводы и наблюдения. Родители Матиаса говорили одинаково невыразительно и монотонно, когда рассказывали о детях, своих родителях и о себе. Вяло опустившись на стулья, они уже почти не двигались и даже не жестикулировали, а с помощью самых примитивных слов просто-напросто перечисляли события своей жизни. Говоря о старшем сыне, отец, чтобы объяснить его отклонения, сказал лишь, что он «слишком много ему позволял». Среднего он назвал дебилом, которому нужно помочь. Матиаса отец считает самым умным из сыновей и похожим на деда по отцовской линии, то есть все-таки вписывает его в историю семьи, хотя и признается, что не хотел его рождения.

Но как же они оба преображаются, когда слышат вопрос: кто живет у них в доме? Забыв о том, что там живут их сыновья, они могут наконец-то рассказать, кто действительно живет с ними - это их животные. Контраст просто удивительный! Они оба выпрямляются, их речь полностью меняется, фразы становятся длиннее, они рассказывают забавные истории способен слушать во сне? Опыты со взрослыми людьми показали, что произносимые вслух слова вписываются в память спящего человека и - при случае - могут ожить в его сознании. То же самое подтверждают и люди, выходящие из коматозного состояния. Франсуаза Дольто уверяла, что спящий ребенок - все равно, что эмбрион, живущий в теле матери: он одновременно и спит и слушает.

Девятый сеанс

Матиас поднимается по лестнице ко мне в кабинет, держась за руку нянечки. Сегодня у нее не так уж много новостей. Она говорит только, что Матиас стал лучше себя вести на прогулках в детском саду. Он по-прежнему настаивает, чтобы во время сеанса она оставалась рядом с ним, и начинает играть с пластилином. Он очень тяжело дышит и снова мурлычет. Я говорю: «Руками ты работаешь, как мальчик, а горлом издаешь звуки, как котенок». Он слушает меня, высунув язык. Когда я замолкаю, он начинает дышать бесшумно.

Он играет с машинкой и произносит: «ЛУЛУ» (это кличка кошки), затем что-то рисует, но не комментирует своего рисунка. Я называю вслух цвета фломастеров, которыми он пользуется. Он громко повторяет: «оранжевый», «голубой». Матиас произносит: «аранжевый», «галубой». Он не может произнести «о». Показав на пепельницу, он говорит: «кака». По запаху, который от него идет, я понимаю, что он сделал в штанишки. И, может быть, впервые в жизни этот ребенок ассоциирует слово с делом?

Десятый сеанс

Матиас поднимается ко мне один, с очень решительным видом и держа в руке кусок пирожного, который он нашел в игрушечном грузовичке, пока дожидался приема в зале ожидания. Войдя в кабинет, он показывает пальцем на врача-психоаналитика (которая отсутствовала на предыдущем сеансе) и говорит «балабала». Он то и дело высовывает язык, но дышит практически бесшумно. Он садится, засовывает ластик в бутылочку, добавляет туда несколько крошек от пирожного и закрывает бутылочку.

Я говорю ему: «В такие бутылочки кладут то, что можно есть. Ты высовываешь язык, как ты это делал, когда пил из бутылочки и слушал, как ты пьешь». Он засовывает в бутылочку еще два ластика. А я продолжаю: «Когда мама давала тебе бутылочку, она не знала, что тебе хочется, чтобы она поговорила с тобой». Он прячет язык и закрывает рот. Я говорю: «Ты не ешь пирожное, потому что знаешь, что о пирожном можно сказать какие-то слова. Когда с человеческими детенышами говорят, они при этом сами учатся говорить». В эту минуту пирожное падает на пол, и Матиас очень отчетливо произносит: «Пирожное упало». Я говорю: «Ты сказал человеческие слова, которые все прекрасно поняли. Ты узнал эти слова, слушая, как говорят другие люди». Теперь Матиас берет в руки нож и хочет разрезать пластилин. Я говорю: «Инструмент, который ты взял, имеет свое название - это нож. У каждой вещи есть свое название. С помощью слов можно называть вещи и описывать действия. А еще с помощью слов можно выражать и описывать чувства». Он смотрит на меня, снова высунув язык. При этом он крошит пирожное, но не ест его. Я говорю: «Тебе не хочется есть. Тебе хочется слов». Он режет пирожное ножом. И глядя на меня, смеется и прячет язык. Перед уходом он самостоятельно собирается и уносит с собой нарезанные им кусочки пирожного.

Этот ребенок, который, как мне не раз говорили, страдал ожорством и в поисках съестного готов был рыться в отбросах, не попробовал очень хорошее пирожное, найденное в зале ожидания. Комментируя ему его собственные действия, я каждый раз подчеркиваю символическое и языковое богатство, с помощью которого можно выразить его действия и чувства. Он в буквальном смысле насыщается моими словами, и его желание общаться значительно сильнее, чем желание есть.

В свете этого сеанса можно предположить, что если бы с ним больше говорили, то свою потребность в еде он не путал бы с жаждой общения.

Так что в тех случаях, когда младенцы едят явно больше нормы, возможно, с ними нужно просто иногда разговаривать, а не совать им в рот бесчисленные рожки с питанием.

Одиннадцатый сеанс

Матиас не торопится подниматься ко мне. Он сидит под лестницей, которая ведет в мой кабинет, и играет с машинкой, найденной в приемной. Нянечка поднимается ко мне одна. Я спускаюсь за Матиасом. Он протягивает мне руку и очень охотно поднимается вверх. Но он снова не отпускает свою нянечку на время сеанса: это говорит о том, что он еще не чувствует себя «независимым». Он с шумом катает по полу машинку. И никак не может решить, чего же он хочет: то ли сесть, то ли уйти? Какое-то время он мнетя на ногах у двери, затем возвращается в кабинет. Он кашляет, но не мурлычет. Он заглядывает за шкаф, потом изучает металлическую пластинку на двери; он смотрится в нее, как в зеркало, и видит там и

мое отражение. После чего он выходит из комнаты и видит такую же пластинку на той стороне двери. Он остается за дверью и катает машинку по металлической пластинке, но я вижу его в полуоткрытую дверь. Я говорю Матиасу, что если он совсем ушел из кабинета, то сеанс закончен. И попутно объясняю, что если одна его часть остается в кабинете, а другая - в коридоре, то это похоже на то, как он живет то в яслях, то у себя дома.

У машинки отваливается колесо. Он говорит: «сломалась», пробует ее починить, просит помочь ему нянечку, но у той тоже ничего не получается. Я обращаю внимание на то, что он одет во все розовое, и спрашиваю, чья эта одежда: ясельная или домашняя. Нянечка отвечает, что домашняя. Тем временем Матиас совсем выбирается из комнаты. Когда я его больше не вижу, то есть он уже никоим образом не присутствует в кабинете, я говорю, что сеанс закончен.

Двенадцатый сеанс

Нянечка рассказывает мне потом, что ее тревожит в поведении Матиаса: он не хочет осваивать правила гигиены. Он отказывается носить подгузники, их сняли, и теперь он делает где и когда придется.

До сих пор Матиас знал только две ситуации: дома, чтобы ублажить мать, он должен подолгу сидеть на горшке, а в яслях он носит подгузники. Но он еще слишком мал и не владеет своими сфинктерами (ему еще нет тридцати месяцев, когда дети достигают определенной зрелости и сами начинают «проситься»). А подгузники он теперь отказывается носить. Возможно, он видит в них какое-то принуждение, против которого бунтует? Ведь мать только путем принуждения заставляет его осуществлять естественные отправления. Нет ничего удивительного, что Матиас - с подгузниками или без - пока еще делает под себя. В его возрасте это вполне объяснимо. Хотя у меня такое впечатление, что отказываясь от подгузников, Матиас таким образом бунтует против власти матери над своим телом. Но не имея возможности бунтовать дома, где с ним никто не считается, он бунтует... в яслях.

Нянечка рассказывает еще, что на Пасху Матиаса на целый день забирали родители. Мать, которая после этого привезла его в ясли, сказала: «Колокола отзвонили, и нужно раскладывать яйца по ячейкам...» И еще она сказала нянечке, что дети в этот день ссорились, и чтобы их утихомирить, отец брызгал на них водой, как на собак, которые дерутся.

Матиас во время нашего разговора с нянечкой сидит на четвереньках на лестнице. Он поднимает ноги, снимает обувь, трогает свой пенис и ни за что не хочет подниматься ко мне в кабинет.

Я спускаюсь к нему и говорю: «У тебя не лапы, а ноги. А обувь тебе нужна, чтобы защищать твои ноги. Ноги тебе даны для того, чтобы носить тебя, чтобы ты мог ходить прямо. Ты мальчик, и у тебя половой член, как у мальчика. Он служит тебе для того, чтобы делать пи-пи, когда тебе хочется. Он служит тебе только для этого». Я прошу нянечку объяснить ему, что мальчики делают пи-пи стоя, перед унитазом. Может быть, он отказывается носить подгузники, потому что, помимо прочих причин, хочет чувствовать и свободно трогать свой пенис?

Тринадцатый сеанс

Родители Матиаса попросили разрешения прийти, но не пришли. А у Матиаса все та же проблема: он не хочет носить подгузники и пачкает штанишки. Он замер посреди кабинета и сосет палец. Я рассказываю ему, как делают «пи-пи» и «ка-ка»

животные и люди, что между ними общего и в чем различие. Он водит мокрым от слюны пальцем по дверце шкафа. Я говорю Матиасу, что животные, которые живут на свободе, помечают свою территорию, делая «пи-пи» и «ка-ка», но даже животные не делают этого где придется. Человеческие существа тоже не делают этого где придется, но по другой причине: я объясняю ему, что происходит с экскрементами, после того, как мы в туалете спускаем воду. Матиас той порой крутит дверную ручку, а затем становится «в угол». Я понимаю, что родители, дрессируя сына, ставят его «в угол», если он делает «глупости». Он лижет дверь и произносит: «ка-ка». Я объясняю ему разницу между людьми и животными: животные делают «ка-ка», но не умеют произносить «ка-ка».

Матиас укладывается на живот, засовывает голову под шкаф и колотится об него головой. Я говорю ему:

- Ты никогда не сможешь стать животным. Люди не рожают кошек. Твои родители - люди и они дали жизнь маленьким мальчикам. Еще даже не умея говорить, человеческие существа понимают человеческий язык, а потом они начинают на нем говорить. Мне кажется, у тебя дома тебя заставляют многое «делать» и очень редко «говорить». Может быть, поэтому ты и «делаешь» где и когда придется.

Четырнадцатый сеанс (Матиасу двадцать восемь месяцев)

Он приходит ко мне вместе с нянечкой и при этом громко вопит: «Нет, нет, нет!». И весь этот сеанс он пролежит на полу.

Нянечка рассказывает мне, что родители Матиаса хотели прийти ко мне в прошлый раз, но потерялись. Все это с помощью трансфера я передаю Матиасу, который немного успокаивается, но продолжает повторять свое «нет». В яслях он уже не так часто капризничает и соглашается ходить в туалет, когда ему предлагают. Дома отец Матиаса очень недоволен его нечистоплотностью и в воскресенье очень рассердился за это на Матиаса (сам он в это время молчит). Утром в яслях также не обошлось без конфликта (Матиас начинает орать): он не хотел есть в столовой с другими детьми и ждал, когда столовая совсем опустеет. Я говорю ему.

- Когда ты возвращаешься от родителей, ты, наверное, снова становишься грудным ребенком, каким ты был, когда жил с ними. Но ты не обязан так делать. Я думаю, твои родители хотят, чтобы ты рос, но в течение недели жил в яслях. Когда ты становишься грудным ребенком, твой папа сердится, а ты страдаешь из-за этого. Твои родители видят, что ты уже большой. (Он смолкает и мурлычет, затем снова начинает вопить. А я продолжаю). Я думаю, когда ты был совсем маленький и лежал в колыбельке, ты очень хотел, чтобы с тобой разговаривали (он сосет большой палец и отворачивается). Домашних животных дрессируют, чтобы они соблюдали чистоплотность, но твои родители никогда не дрессировали животных, и они делают где придется. Твои родители думают, что тебя нужно дрессировать, потому что ты тоже делаешь где придется. Но они не знают, что ты делаешь это нарочно. Ты ведь не нуждаешься в том, чтобы твой отец тебя дрессировал. Ты ведь сам знаешь, когда и где нужно делать «пи-пи» и «ка-ка».

Продолжая лежать на полу, он ставит над собой стул. Дышит он совершенно бесшумно. В конце сеанса он встает на ноги и уходит в очень хорошей форме. Я и в самом деле думаю, что дома его дрессируют, как надо было бы, наверное,

дрессировать животных. И он нарочно провоцирует отца, который занимается дрессировкой собственного сына. Когда он выводит отца из себя, то навлекает на себя побои и наказания и выдерживает их с очевидным удовольствием. Именно поэтому он и пытается воспроизводить подобные сцены в яслях, но здесь обстановка совершенно иная и взрослые реагируют на него не так, как дома. Мои объяснения звучали сегодня несколько натянуто, потому что я вовсе не хотела бы ставить ему в пример животных и всерьез уверять, что ни одно животное не делает где придется. На самом деле виноваты родители, которые придают слишком большое значение проблеме «пи-пи» - «ка-ка», и тогда это становится проблемой у их маленьких детей! Но я ни в коем случае не могу усомниться в правоте его родителей: до трехлетнего возраста дети считают своих родителей безупречными. И если в этом случае усомниться в правоте родителей, то поставишь под вопрос и самого ребенка как дитя своих родителей. Поэтому я не вмешиваюсь в то, что происходит в семье Матиаса между ним, его родителями и животными, но стараюсь все-таки объяснить мальчику какие-то вещи, чтобы помочь ему обрести себя в этой семье, какой бы она ни была.

Пятнадцатый сеанс

Матиас приходит с родителями, которые, наконец, добрались до Центра, где я принимаю.

Отец находит, что Матиас делает прогресс: он различает цвета, старается убирать стол после еды и начинает сам одеваться. Славный будет парень - сильный и драчун.

Мать рассказывает, что Матиас подрался с братом в машине, и их пришлось разнимать. «Будем его скоро крестить,- говорит она.- Мы сидим без денег, моя мать платит. Других тоже крестили с опозданием. (Обращаясь к мужу) Помнишь, когда крестили старшего, ты забыл мыльницу. А второй стал раздеваться, чтобы мыться. (Крестины для ребенка - игра, оплаченная бабушкой; никакого религиозного или символического значения ей не придается). Дома Матиас играет с кошками, он их одевает и заставляет носить подгузники. И кошки терпят. Старый Виски отпихнул его пару раз лапой. Суку раньше немного дрессировали, а остальных животных - нет. (Как я понимаю, у Матиаса меняется способ идентификации: с животными он обращается, как с младенцами, но сам ведет себя при этом, как ребенок. Впрочем мать подтверждает, что в этой семье дрессируют только детей как животных, а самих животных не дрессируют).

Отец. Он часто злится. Я умею его обуздывать, но его можно успокоить только холодной водой.

Мать. У него (у отца) больше терпения, чем у меня, если только он не бесится. Матиас идет в туалет, берет горшок, ставит его перед телевизором и делает «пи-пи» и «ка-ка», когда идут передачи про животных(!). (Значит, Матиас, как только приходит домой, старается угождать матери: его таз настроен на то, чтобы доставлять удовольствие взрослому человеку, что не сможет не сказаться на его сексуальности -и это вдобавок к тому, что у него и так проблемы с идентификацией. Мать, судя по всему, не понимает, как сам Матиас относится к этому: глядя на животных, он в буквальном смысле испражняется...) Когда будет хорошая погода, мы пойдем в зоосад. Воскресенье - семейный день, они больше не хотят ездить к бабушке.

Я прошу отца рассказать о его семье.

Его дед со стороны отца был рабочим, алкоголиком и дебоширом. У него был револьвер. Однажды он пригрозил убить всех детей (шесть мальчиков и трех девочек, отец Матиаса был шестым ребенком). Когда отцу Матиаса было восемь лет, у него было плохо с нервами, и его на два года помещали в такие же ясли.

Когда ему исполнилось шестнадцать, он хотел уйти из дома, но остался, чтобы защищать мать: «Теперь я обуздывал отца, когда он пил,- рассказывает он.- Я видел, как плакала мать. (Матиас прижимается к матери, у которой сидит на коленях). Семья развалилась, когда умерли родители: отец - шестнадцать лет назад, а мать - пятнадцать. После них ничего не осталось. Ружья я продал, а револьвер подарил зятю, который служил в Индокитае».

(В юности отец Матиаса добровольно взялся обуздывать отца-буяна, чтобы защитить мать. Можно сказать, он посвятил этому свою жизнь. Точно также он обуздывает теперь и своих сыновей, не подозревая, что могут быть и другие формы общения отца с сыновьями).

В это время Матиас начинает говорить и называет имена: Каль - это Паскаль, Бьен - это Фабиен, Лилин - имя его матери. Мать продолжает. Лили, Эвелин... Я так и осталась навсегда маленькой девочкой для моей матери. Я говорю ей, что это действует мне на нервы, из-за этого мы с ней часто ссоримся. Всех детей зовут «тити», а когда они вырастают, им дают настоящее имя. Моя мать цацкалась со мной, как не знаю с чем, и хочет, чтобы я так же воспитывала своих детей. А я не хочу. Она нашего первого к себе брала и тоже цацкалась с ним. Так нельзя растить детей. Она мне говорит: «Ты детей воспитываешь, как собак». Если бы я воспитывала их как собак, я бы здесь не сидела и не говорила с вами. Он (об отце), говорит, что старший у нас - недоразвитый. А меня вы считаете нормальной?

Единственная цель, которую преследует эта мать при воспитании своих детей - это делать все наперекор собственной матери и растить их совсем не так, как та растила ее. Эту же цель она преследовала и когда рожала Матиаса, потому что родила его против воли матери. Мать «цацкалась» с ней, когда, она была маленькой - в этом она видит главный источник своих проблем и хочет, чтобы ее дети выросли непохожими на нее. Она растит своих сыновей, как безымянную свору собак. И подобная животная любовь - самое лучшее, чем она может одарить своих сыновей.

Мать этой женщины не лишена проницательности и очень точно заметила дочери, что та воспитывает детей, как собак. При этом матери Матиаса хватает юмора, чтобы сказать: «Если бы я воспитывала их, как собак, я бы здесь не сидела и не говорила с вами».

Разве это такая редкость, когда люди разговаривают с домашними животными более охотно и намного душевнее, чем со своими детьми или с другими взрослыми людьми?

Если попытаться ответить на вопрос, кто лее безумен в этой семье, то неизбежно окажешься в тупике, потому что старший сын считает бабушку ненормальной, родители считают недоразвитым его самого, а мать спрашивает меня, считаю ли я ее нормальной.

Шестнадцатый сеанс

Наконец-то я решаюсь ввести символическую плату за свои сеансы и прошу Матиаса приносить теперь каждый раз камушек, если он хочет и дальше приходить

ко мне, чтобы разговаривать о его проблемах. Я, конечно, могла (и должна) была это сделать намного раньше, например, после моей первой встречи с родителями, которые по сути разрешили Матиасу продолжать курс лечения, начатый по просьбе ясель. Не сделав это в то время, я ждала момента, который Франсуаза Дольто называет «вторым рождением», когда ребенок из животного состояния зависимости переходит к человеческой свободе говорить «да» или «нет».

Однако я опасалась, что Матиас, который, как и любой ребенок, родился млекопитающим, но вдобавок очень хотел стать котенком, так и застрянет на этом этапе и из животного состояния не переродится в человека. Это опасение и помешало мне ввести символическую плату с самого начала - а вдруг Матиас дал бы нам всем понять, что не хочет продолжать лечение? Теперь я вижу, что это была ошибка: я недооценила способность Матиаса понять, что он приходит ко мне ради самого себя - именно это и должна была символизировать плата за сеансы в виде камушка. И сейчас, задним числом, я вынуждена признать, что психоанализ как таковой начинается только с введения символической платы, а до этого происходят лишь встречи аналитика с ребенком.

Семнадцатый сеанс

Нянечка рассказывает, что Матиас делает иногда в штанишки. Но при этом он, по ее мнению, научился делать массу новых вещей. «Просто потрясающе, как он хорошо развивается!» - говорит она. Дыхательную кинезитерапию ему теперь делает мужчина, и Матиас реагирует на это совершенно спокойно.

Во время этого сеанса Матиас полон энергии, много говорит и даже не присаживается. Сегодня у нас с ним «технологический» сеанс: я объясняю ему, как пользоваться ножом и ножницами. Я объясняю все это только на словах и не беру в руки эти предметы. Если аналитик не говорит, а делает, показывает, он переводит разговор в область реальности и подменяет собой мать или отца консультируемого ребенка, а это противоречит методу психоанализа.

Я с трудом убеждаю Матиаса оставить мне камушек, который он не забыл принести. Тональность этого сеанса в корне отличается от предыдущих: впервые я почти готова поверить, что на протяжении всего сеанса, без всяких разрывов, вижу перед собой настоящего маленького мальчика.

Восемнадцатый сеанс

Нянечка рассказывает, что последние два дня с Матиасом не все в порядке. Он расквасил себе нос, но доктор по дыхательной гимнастике «ему его немного подлечил». Пока нянечка рассказывает, Матиас безумолку говорит, словно старается заглушить ее голос. Но она продолжает свой рассказ и сообщает, что произошло в детском саду, куда водят гулять ясельных детей. Чтобы проявить свой характер, Матиас наделал в штанишки. А когда она в полдень пришла за ним, но сначала немного погуляла с другим ребенком, Матиас устроил сцену ревности, и опять поранился. Нянечка взяла его на руки и он не шевелился, пока она несла его к врачу. Там он сказал, что у него «бобо», стал звать маму, а потом свернулся клубочком и начал сосать палец. Он согласился, чтобы нянечка покормила его, только когда из столовой ушли все дети. Он довольно быстро заснул, но спал очень беспокойно.

Матиас принес свою символическую плату и вручает ее мне.

Сегодняшнее сообщение нянечки показалось мне очень важным. Как я представляю себе, схожий эпизод произошел в первые же месяцы жизни Матиаса, когда он начал мурлыкать, так как хотел заменить матери кошек, которые в те дни были изгнаны из их дома. Таким способом он надеялся заслужить нежность своей матери. Однако материнской ласки он так и не дождался, зато получил легочное заболевание. Должно быть, он так сильно ревновал мать к кошкам, что даже впал из-за этого в глубокую депрессию. В ту пору он оставался совершенно безутешным, и никто не пытался его утешить. Вспомним, что в такую же безутешную печаль он погрузился во время второго сеанса и не захотел, чтобы его пожалели.

Рассказ нянечки заставляет меня вспомнить прошлое Матиаса и позволяет судить об эволюции, которую проделал мальчик в своем развитии.

Приревновав нянечку к ребенку своего возраста, устроив истерику и поранившись, он вел себя, как младенец, и благодаря этому добился внимания и нежной ласки своей нянечки, которая теперь от него не отходила. Его пожалели, и он этим вполне утешился, чего у него никогда не случалось в общении с матерью. Пока нянечка излагает, что произошло с Матиасом, я вижу, что он явно доволен собой и непрерывно рассказывает что-то свое.

Когда приходит время прощаться, он отказывается от помощи нянечки и сам спускается по лестнице, ступая очень твердо и решительно.

По-моему, Матиас сам пожелал заново пережить болезненный эпизод из своего раннего детства, но на сей раз он вышел из него не подавленным, а успокоенным и душевно окрепшим. У него появился позитивный настрой, который так пригодится ему в жизни.

Родители Матиаса получили разрешение забирать его на выходные раз в месяц. А в нашем Центре начинаются летние каникулы.

Девятнадцатый сеанс (после летних каникул)

Нянечка сообщает, что дела у Матиаса идут на лад и каникулы прошли благополучно. Но когда он капризничает и хочет проявить характер, то делает под себя, как это случилось три недели назад. Во время каникул это очень раздражало отца Матиаса. Он даже пригрозился вымазать ему лицо экскрементами, как он это делал с его братьями(!).

Матиас забыл принести свою символическую плату (он ведь не приезжал ко мне два месяца), но хочет, чтобы сеанс продолжался. Когда я прошу нянечку подождать его в зале ожидания (я совсем забыла, что до этого он никогда не оставался у меня один, а сегодня мне показалось, что он вполне на это способен), он тут же принимается вопить, чтобы выразить свой протест, укладывается в коридоре на пол, начинает мурлыкать и сосать большой палец. Я говорю ему:

- Я думаю, ты знаешь, что твоя нянечка никуда не уйдет и после сеанса ты снова увидишь ее. Это когда ты был совсем маленьким, ты не знал, увидишь ли ты снова нянечку, если она отходила от тебя.

Он мгновенно успокаивается, вновь обретает уверенность в себе и спускается вниз, желая убедиться, что нянечка действительно ждет его в приемной. Затем самостоятельно поднимается ко мне и спокойно надевает обувь, которую сбросил в начале сеанса.

Потом он говорит мне «до свидания» и собирается уходить. Я прошу его передать родителям, что приглашаю их прийти ко мне. Он утвердительно кивает головой.

Меня очень удивило, что Матиас до сих пор не переносит разлуки с нянечкой, а я-то думала, что он уже к этому вполне готов. Стоило ему с ней ненадолго расстаться, как он испытал страх, тревогу и вернулся к тому состоянию, когда находился в полной зависимости от матери или временно заменявшей ее нянечки. Я не должна была забывать, что сегодня, после двух месяцев разлуки со мной, он вспоминает и «обретает утраченное». Судя по всему, я недооценила, как болезненно он переживает разлуку. Но в конечном счете он не так уж плохо справился с сегодняшней ситуацией.

Двадцатый сеанс

Когда я спускаюсь за Матиасом, он сам подходит ко мне и, опережая меня, начинает энергично подниматься по лестнице, чередуя ноги и не держась за перила. И он не делает никакого знака нянечке, чтобы та следовала за ним. Оказывается, он не только может один прийти ко мне на сеанс, он способен решить это самостоятельно.

Сегодня я жду и его родителей. Но вскоре выясняется, что его отец - вместо Центра, где я принимаю, в назначенный час пришел в ясли!

Матиас что-то молча рисует, а затем вырезает свой рисунок. После чего он до конца сеанса будет выковыривать пластилин из машинки «скорой помощи». Он открывает ножом заднюю дверцу и с явным удовольствием и силой засовывает туда ножницы, чтобы извлечь прилипший там пластилин.

Я комментирую ему его действия: мне кажется, что пластилин для него - это «кака», что исторгает из него мать, как только он приходит домой. Я не совсем уверена в своей догадке, но не могу найти другого объяснения.

Перед уходом Матиас говорит: «Я принес камушек»,- и кладет его прямо в ящик моего стола.

Двадцать первый сеанс

Отец Матиаса пришел один, без матери. Он очень доволен Матиасом. Тот меньше теперь воюет и больше подружился со старшим братом, потому что средний живет «отдельно». Разговаривая со мной, отец, по просьбе Матиаса, достает кусочки пластилина из бутылочки для молока. На прошлом сеансе сам Матиас извлекал пластилин через заднюю дверцу машинки.

- В моей семье, - рассказывает отец, - были трудности с восьмым, с ним все время надо было заниматься. В семье жены было всего двое детей, и она не видела разницы. Матиас стал аккуратным. Он сам просится и все быстро делает. А я совсем погиб,- добавляет он, - я превысил скорость и у меня отобрали права. Будь у меня права, я бы выкрутился, поехал бы в М. (название местности). А еще у меня украли «плеймобил» (вместо того, чтобы произнести «плейхоум»).

Как я поняла, отец Матиаса очень удручен и совсем не верит в свое будущее. После разговора со мной он спускается в приемную и дожидается там Матиаса.

- Ты принес камушек? - спрашиваю я Матиаса.

Он не отвечает и накладывает пластилин в чашку, а затем с помощью ножа извлекает его оттуда. Чашка падает на пол, он слезает со стула, чтобы достать ее. Затем с огорченным видом разглядывает соску для бутылочки и произносит:

«дырка». Но пластилин через нее не проходит - это его огорчает. Затем он становится очень активным, говорливым и называет все цвета фломастеров, которыми рисует...

Двадцать второй сеанс (Матиасу два года и девять месяцев)

Он принес свой камень и небрежно положил его на стол. Он изучает все, что лежит на столе, охотно разговаривает, называет все цвета, рисует.

Нянечка поднялась, чтобы сообщить, что когда Матиас недоволен, он спускает штанишки. Он не хочет сидеть на подушке, которую я подкладываю на стул, чтобы ему было удобнее сидеть, так как стул не предназначен для его маленького роста. Но с подушкой он ведет себя также, как в свое время с подгузниками: его желания опережают его физические возможности. Он ловко пользуется всеми инструментами и прикалывает свой талон к доске, сделанной из пробки.

Двадцать третий сеанс

Матиас принес камушек и показывает мне его, как только входит. Сегодня во время сиесты он сделал «ка-ка», выпачкал экскрементами постели других детей, а затем пытался их очистить. Он весь вымазался. И не захотел спать во время сиесты. Нянечка пыталась пристыдить его, тогда он написал на пол, после чего взял тряпку и сам все вытер. Рассказав об этом, нянечка выходит и оставляет Матиаса наедине со мной.

Сегодня он очень активен и разговорчив. Он играет с пластилином и старается не смешивать цвета. Он лепит грузовичок, кролика, возит их по столу и переправляет через мост. Я напоминаю, что у его папы есть грузовик («плеймобил», который украли). Из синего пластилина он лепит курицу, затем петуха. А это самолет - он катит, катит его по столу, пока тот не падает на пол. Он осваивает понятие «такой же» на примере двух фломастеров одного цвета.

Двадцать четвертый сеанс

Матиас забыл свой камушек. И каждый день хоть раз делает в штанишки.

Он неохотно поднимается в мой кабинет и тяжело дышит, но уверяет, что хочет, чтобы сеанс состоялся. Он не снимает куртки. Свалив на пол весь пластилин, все фломастеры и опрокинув стулья, он садится в угол и со злостью бросает пластилин в дверь. Последние несколько сеансов я не очень хорошо понимаю его поведение. Его проделки с «пи-пи» и «ка-ка» очень сильно занимают не только его родителей, но и нянечек. Я вижу, что в разных местах он ведет себя совершенно по-разному. И я объясняю ему, что в разных местах могут быть разные правила, это зависит от места и людей, которые там живут. У него дома, в яслях и у меня в кабинете правила могут быть разными - нужно просто знать их и привыкнуть к ним.

Двадцать пятый сеанс

Матиас очень охотно поднимается ко мне. В руках у него полно фломастеров, которые он взял в зале ожидания. Он нарочно не принес своей символической платы. Поэтому я вскоре прерываю сеанс (раз он не принес камушек) и говорю, что рада, что он так ясно дал мне понять, что не хочет сегодняшнего сеанса. Он с достоинством выходит. Ожидавшая его в приемной нянечка говорит, что Матиас брал с собой камушек, но по дороге потерял его. Я ему говорю: значит, одна часть Матиаса не хотела сегодняшнего сеанса и она взяла верх.

Двадцать шестой сеанс

Нянечка говорит, что последние три месяца Матиас, если что-то не по нем, раздевается и плюется (раньше в этих случаях он делал под себя). И это крайне неприятно, потому что другим детям это нравится, и они начинают делать то же самое. Отец Матиаса не выносит, когда тот раздевается (как он не выносит его нечистоплотности).

Матиас забыл свой камушек, но хочет продолжать сеанс. Он много говорит, сам комментирует все, что делает, использует такие понятия, как «большой», «маленький», «такой же», называет птиц, которые ему известны (ворона, чайка) и т.д.

Двадцать седьмой сеанс

Спустившись в приемную, я вижу, что Матиас лежит там на полу и плюет в рисунок, а его камень лежит рядом с ним.

Поднимаясь ко мне, он свистит в свисток от чайника (служащий ему игрушкой). Грязными руками он лезет в рот, мочит их слюной, а затем водит ими и «пишет» по стене.

За весь сеанс он не произносит ни слова. Рот у него открыт, а язык высунут, как во время самых первых сеансов. Он ставит стул перед дверью и подползает ко мне под стулом. Он снимает ботинок с одной ноги, затем садится, чтобы надеть его. Теперь он раскачивает стул, стоящий у него над головой. В конце концов он ушибает руку, но не жалуется.

Когда сеанс заканчивается, он не хочет уходить (вот если бы стулом можно было загородить дверь, не нужно было бы уходить). Он поднимается с пола, садится, рисует, разговаривает.

Такое впечатление, что на протяжении одного сеанса Матиас из одной возрастной категории перешел в другую. В начале сеанса он вернулся к тем средствам выражения, которые ему были свойственны в возрасте, когда он пережил разрыв и депрессию, а в конце - снова обрел свой реальный возраст.

Двадцать восьмой сеанс

Такие сеансы, как сегодня, я называю для себя «Матиас - мальчик», в отличие от первоначальных сеансов, когда видела перед собой «детеныша животного». Он подвижен и динамичен. И его все интересует: новые слова, новые предметы, инструменты и т.д.

В конце сеанса я спрашиваю, принес ли он камушек. Он заявляет, что хочет приходить ко мне, но не хочет приносить камень. То есть он предпочитает вернуться к ситуации, когда я не требовала от него символической платы.

Я объясняю ему, что в таком случае это уже не будут сеансы психоанализа. В самом начале занятий я не просила приносить его камушек, потому что думала, что он чересчур маленький. Но теперь я вижу, что ошибалась и должна была сразу потребовать от него этой платы. Перед уходом он раскладывает по местам все предметы, которыми пользовался во время сеанса, и прощается.

Двадцать девятый сеанс

Матиаса не привезли на сеанс, потому что в яслях перепутали день и час приема. Досадно! Зато пришли сотрудники социальных служб. Они говорят, что считают необходимым подыскать для Матиаса временную приемную семью, но не хотят помещать мальчика в ту же семью, в которой живет его старший брат. Они

предвидят, что это будет ударом для его родителей, но так будет лучше для Матиаса.

При общении с социальными службами, которые защищают интересы ребенка, психоаналитик (я подчеркиваю: не психолог, не воспитатель, а именно психоаналитик) не должен вмешиваться в реальную жизнь ребенка и в те решения, от которых зависит его судьба, хотя порой это бывает очень нелегко!

Тридцатый сеанс

Матиас ездил в горы с другими детьми, и все прошло очень хорошо. Он снова не принес камень. Он красит в фиолетовый цвет окна грузовичка «мобил-хоум». В этом грузовичке происходит что-то таинственное: может быть, в нем едут его отец и мать? Матиас много рассуждает и в конце сеанса говорит: «Все, конец».

Я отвечаю, что согласна с ним: это действительно «конец». Курс лечения закончен. Теперь он уже вполне самостоятельно и без меня способен расти и развиваться как мальчик.

Я решила прекратить сеансы, поскольку он отказывается приносить свою символическую плату. А в таком случае это уже не анализ. Ему очень хочется, чтобы я его слушала, но в трансфере личностного общения, а это ведет к эротизации его отношений со мной, чего я никак не могу допустить. Матиас вступает в возраст, когда ребенок подвержен «Эдипову комплексу», и пусть это происходит у него с собственной матерью, а не со мной.

Я пишу записку его родителям, в которой прошу прийти ко мне, чтобы поговорить и попрощаться.

Тридцать первый сеанс

На этот последний разговор Матиас приезжает с отцом и матерью.

Он примостился на коленях у матери и будет то и дело обращаться к ней на протяжении всего сеанса. Я вижу, что он очень оживлен и в хорошей форме. Не могу сказать, что он полностью игнорирует меня, но ко мне он обратится только раз - чтобы попрощаться. Это подтверждает, что он нашел свое место в семье и научился «ладить» со своими родителями (какими бы они ни были), сохраняя при этом свою физическую и психическую независимость.

Мать находит, что он «хорошо развился» и даже учит брата (как правильно говорить); впрочем, он все время говорит, правда, по телефону не любит говорить. Пока они будут присматривать для себя домик, он проживет в приемной семье (вопреки опасениям сотрудников социальных служб они вполне благожелательно отнеслись к их решению). Матиас очень хорошо ест, прямо сидит за столом, даже в ресторане. Когда он ездил в горы, он потом сказал: домик в горах - это для папы и мамы. Когда он приходит на выходные домой, он сразу начинает заниматься кошками. Когда черепаха вытягивает голову, он ее боится («я вот говорю: хоть у нее есть свой дом!») А старая сука съела кошку (!), но одну кошку в доме все-таки оставили. Теперь Матиас знает, кем он хочет стать: он станет доктором для кошек и собак!

Все это время Матиас играет с пластилином и лепит для матери «младенца», которого дает ей во время нашего разговора.

А мать продолжает:

- Даже когда он был еще у меня в животе, он уже знал, чего хочет. Он так много двигался, что я уставала. И акушерка посоветовала отцу: «А вы говорите с ним поостроже». И как только он слышал голос отца, он сразу замирал.

Матиас показал матери два одинаковых карандаша и говорит: «Одинаковые». Отец говорит:

- Они все трое такие шумные. Когда они собираются все вместе, от них слишком много шума. Поэтому один раз забираем Матиаса, в другой раз - его брата. Вот было бы хорошо, если бы вы посмотрели его брата, чтобы развить его, как Матиаса. Но мы вас с таким трудом нашли, не знаю, когда мы еще придем, мы ведь уже как-то потерялись...

Матиас показывает матери два синих фломастера: «Смотри, оба синие, но не совсем одинаковые...», словно стараясь ей продемонстрировать, как хорошо он разбирается в таких сложных понятиях: карандаши - одинаковые, а два фломастера похожи, как два брата. И маленький мальчик - это не детеныш животного, а сын для матери - совсем не то же самое, что ее муж...

Матиас попал в ясли, когда ему был год и пять месяцев, а сейчас ему три года и два месяца, то есть прошло уже почти два года, как он живет в яслях.

Решение хотя бы частично изолировать Матиаса от его семьи и поселить в яслях не было идеальным, но социальные службы не смогли придумать ничего лучшего. К чести сотрудников яслей, они сумели разобраться в состоянии Матиаса и понять, что в основе его дыхательных и легочных заболеваний - психические страдания. Это и позволило Матиасу пройти у меня длительный курс сеансов.

Только человек способен вознамериться полностью видоизменить себя. И только человек, какого бы он ни был возраста, способен столь глубоко воспринимать свою семейную историю и обречь себя на такие страдания.

Чтобы утешить мать и добиться нежности, грудной Матиас пытается стать котенком, обрекая себя ради этого сначала на физические страдания, а затем и на психические, так как его мучительные старания стать котенком не увенчались успехом.

Поскольку в яслях отнеслись к Матиасу с пониманием, он смог пережить несколько этапов идентификации. Отказавшись от идеи стать котенком, он проникается совершенно противоположной идеей и начинает обращаться с животными, как с младенцами (одевать их в подгузники и т.д.): теперь уже он не хочет стать, как они, а животные должны походить на него. А на следующем этапе он уже хочет стать «доктором для кошек и собак». Кого-кого, а уж докторов он повидал очень много! Эта профессия позволит Матиасу тесно общаться с животными, а значит - и с родителями и наделит его властью, о которой он, может быть, мечтал, у себя дома, в больнице или яслях. Вот как находят иногда свое призвание...

Его отношение к матери также очень изменилось. Оказавшись сыном мамы-кошки, он - чтобы завоевать ее любовь, безуспешно пытался соперничать с маминими кошками. Это поражение могло бы его полностью разрушить, но этого не случилось. И как мы видели, наступит день, когда трехлетний Матиас подарит матери вылепленного им из пластилина «младенца», соперничая уже с отцом, которому трудно заставить уважать себя и главное - не потеряться, но которому

мать заставляла своего сына подчиняться еще в зародышевом состоянии, что бывает в семьях не так уж часто.

Матиас превосходно интегрировался в жизни и в своей семье, возможно, благодаря тому, что сумел разобраться в понятиях «такой же» и «не совсем такой же». Он понял, что правила могут изменяться в зависимости от контекста, так что скорее всего хорошо адаптируется в приемной семье - при условии, если с ним будут продолжать разговаривать о нем и его проблемах и помогут сохранить семейные связи.

Более чем двухлетнее пребывание Матиаса в яслях может показаться чрезмерно долгим. Но если учесть все обстоятельства: сохранение контактов мальчика с семьей, взвешенность и продуманность решений, которые принимались в отношении Матиаса, постоянное тяжелое материальное положение его родителей, которые все время тщетно надеются купить себе «домик»; атмосферу в этой семье, где трое сыновей не могут собраться одновременно, так как тут же начинают драться, то придется признать, что длительное пребывание этого ребенка в яслях было для него спасительным.

Не скрывая свои промахи и ошибки, я хотела показать трудности аналитической практики. Теоретизировать о развитии подсознания или позиции аналитика, естественно, гораздо проще, чем заниматься практической работой.

Рассказывая о своем практическом опыте, я неизбежно должна была что-то опустить, а что-то излагать более подробно, но при этом я вовсе не старалась показывать себя только в выгодном свете. Точно так же, как психоаналитик не должен подменять родителей ребенка в реальной жизни, он не имеет права выдавать себя за мага и волшебника! Мне кажется, психоаналитик не должен стыдиться сказать ребенку и читателям, что он - не всемогущ. Сеансы, проводимые с детьми, бывают иногда очень эффективными и наглядными, потому что - на глазах - у присутствующих они помогают вывести ребенка из тупика, при этом задействуются все стороны его жизни: символическая, физическая, его семейные связи. Но никто не в состоянии предсказать, каким образом эти дети смогут преодолеть испытания, которые ждут их в будущем.

Примечания:

1. Фрагменты книги Каролин Эльячефф "Затаенная боль. Дневник психоаналитика", «Кстати», Издательство «Институт общегуманитарных исследований», 1999. Купить полную версию книги вы можете в любой Интернет – магазине, напр. www.ozon.ru, www.bolero.ru или заказать в соответствующем издательстве.

2. Существует два вида яслей. Первые носят больничный характер, в которых содержат детей до трех лет и обеспечивают им необходимый медицинский уход, который невозможно обеспечить в домашних условиях. И есть ясли, выполняющие социальную функцию и предназначенные для детей, которые не могут оставаться в семье, но по каким-либо причинам не могут быть усыновлены приемными родителями. В книге пойдет речь о второй категории яслей.

3. Статья №47 Семейного кодекса и социальной помощи предоставляет право каждой женщине рожать анонимно, чтобы сохранить тайну рождения. Этот закон называется «Роды X», так как в досье ребенка вместо имени ставится буква «X». В течение трех месяцев биологические родители имеют право отказаться от первоначального решения и признать своего ребенка. По истечении

этого срока ребенок переходит под полную опеку государства и может быть усыновлен приемными родителями. (Прим. автора).

4. После того как я написала, что никогда не прикасаюсь к детям, вас может удивить этот жест, но в отдельном случае этот вполне конкретный жест сопровождается объяснением, которое должно помочь ребенку воспринять собственное тело.

5. Флер /fleur/ - цветок по-французски.

6. Франсуаза Дольто следующим образом объясняла, почему волнения или испуг могут вызвать лихорадку. В момент своего рождения человек внезапно и впервые из среды одной температуры попадает в среду совершенно другой температуры. Люди, которые в этот момент отделения от тела матери и перерезания пуповины пережили что-то неприятное, могут на всю жизнь сохранить физиологическую хрупкость и склонность к тревогам. Когда ребенок чего-то боится, он переводит этот страх для себя в «холодно» и отвечает «жарко», то есть дает температуру и реагирует внезапным жаром. (Франсуаза Дольто «Квебекские диалоги», 1987)

7. Намек на рок-певца Джонни Холлидея.